

Ана Ховская
Ана Ховская

18+

Агеккий сон
НЕВИДИМКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ана Ховская
Адский сон 2. Невидимки
Серия «Адский сон», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70052875

SelfPub; 2024

Аннотация

Катакомбы... Джунгли... Мёртвый город... Что могло быть хуже?! Но везде я сумела выжить, выстоять, разбудив в себе зверя... Только оказалось, что есть хищники пострашнее: они вновь изменили траекторию моей судьбы. Я потеряла возможность контролировать даже то малое, что имела, – свою жизнь, как и те, с кем оказалась в одной упряжке. В новом мире, так похожем на наш, я стала «невидимкой» и вынуждена подчиняться жестоким правилам, где непременно нужно исполнить главную цель моих похитителей, потому что только они способны вернуть меня домой. И лишь один человек мог бы удержать на плаву, но и он такой же узник и мой жестокий соперник!

Содержание

От автора	4
Пролог	5
Часть I. Пределы выносливости	7
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	49
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	77
Глава 9	88
Глава 10	102
Глава 11	114
Глава 12	120
Часть II. Атом	130
Глава 1	130
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Ана Ховская

Адский сон 2. Невидимки

От автора

Все персонажи истории выдуманы, совпадения с реальными лицами, местами и событиями – не более чем мистическая случайность.

Пролог

Никогда нельзя уничтожить все свои слабости. Их можно замаскировать, но, когда на тебя надавят, они выберутся из-под любой маски, из самой каменной брони и проявятся в самый неподходящий момент: сойдут с ног, развалят уверенность в себе и в том мире, где всё казалось известным, заставят следовать собственному порядку, абсолютно лишённому логики и подчинённому чему-то иррациональному.

Именно сейчас наружу стали выбираться все подавленные страхи, полностью деморализуя, лишая чувства контроля и самосознания, приводя то в активно-боевой, то в апатичный режим.

Разум молчал. Или нет, он вопил, требовал уложить происходящее в последовательную цепочку причин и следствий, как-то связать всё воедино, найти логическое объяснение и начать действовать. Но в какой-то момент в коридорах разума словно выключалась лампочка и я действовала, подчиняясь общему ритму внешнего движения, абсолютно не отдавая отчёт в том, что делаю и к чему это приведёт. Я будто плыла по течению, но при этом меня с особой жестокостью регулярно топили.

Слабую надежду на спасение вызывал инстинкт самосохранения. Именно в нём я сейчас так остро нуждалась. Я была оголённым нервом! Я была в опасности! Меня атаквали

со всех сторон! Я лишилась свободы, права выбора, и такое агрессивное влияние со стороны должно было активизировать защитные механизмы...

Но я могла только смотреть, слушать, подавать голос и иногда вовремя уклоняться от прямых покушений. Даже физическая боль или холод воспринимались как нечто отстранённое, по ту сторону стекла докучливым жужжанием мухи. Это была коварная ловушка для сознания, умело выстроенная, всегда отражающая любые попытки на самозащиту и спасение. Инстинкты охраняли только моё тело, а сознание растворялось в потоке отчаяния, тревоги и непредсказуемых действий похитителей.

Страх за своё будущее и будущее моей семьи сдавливал голову и грудь. Иногда впадала в такой ступор, что, казалось, мозг превращался в камень, и ни одна мысль не могла пробиться в сознание без тупой боли в затылке... Меня выключили... Меня выпотрошили... Меня растоптали...

Это совсем не сон – теперь это моя реальность!

Часть I. Пределы выносливости

Глава 1

Первое, что почувствовала, когда проснулась, это запах помоев и горький привкус во рту. Я напряжённо сосредоточилась, призывая память на помощь, но в голове было пусто, будто кто-то вычистил всё до основания. Я даже не могла вспомнить, где нахожусь, что было накануне, и ни одного события или лица из моей жизни...

Стерильно!

«Как меня зовут?.. Королева Елизавета... Королева?! Бред какой-то!..»

Но то, что в памяти серым пятном проявилось имя, не утешило. Смутная тревога забилась в горле тупой пульсацией. Попыталась открыть глаза, но ресницы так слиплись, будто их смазали клеем.

Я замерла в попытке понять, что не так. Судорожно вдыхая, стала прислушиваться к внутренним ощущениям. Но, кроме отвратительного запаха и нарастающего беспокойства, ничего не могла различить. Как бы ни старалась, не могла сконцентрировать мысли на происходящем. Они, словно чернила на промокашке, расплзались, растворялись, теряя ясные очертания.

Я находилась в абсолютной тишине. В тишине неестественной, плотной, вязкой...

Медленно пришло осознание, что не ощущаю собственного тела. Только запах помоев и уже бешено колотящееся сердце.

«Что это? Меня что, опоили? И почему так холодно?..»

Холод – вот что это! Я ощущала дикий холод и не могла пошевелиться – околела.

«Откуда в моём доме запах помоев?! Я, вообще, дома? Что вчера случилось?..»

Резкий вдох отозвался дикой болью в груди, будто мне проломили грудину и отбили лёгкие. Поморщилась и тут же испуганно замерла. Что-то было натянуто на лицо и сковывало мышцы.

И вдруг с последующим вдохом и коликами за грудиной в сознание ворвалось ощущение боли во всём теле и панического дискомфорта. Я передёрнулась от ледяных мурашек, что пробежали по спине и плечам, подняв все волоски на теле дыбом. Зубы несколько раз сомкнулись в произвольной дрожи. Терпеть не могу это болезненное ощущение холода, когда каждый нерв словно покрыт ледяной коркой! Захотелось обнять себя руками и растереть болезненно зудящую кожу. Но тело было скованно, и я лежала в странно неудобной позе.

Вновь попыталась открыть глаза, но тщетно. Я застонала и хотела потереть глаза пальцами, но и этого не удалось: не

смогла поднять руки – они были скованы за спиной, а запястья жгло.

И теперь я окончательно испугалась. Закричала. Но из горла вырвался лишь глухой стон, и он отозвался тупой болью в висках.

«Что за грёбанный Экибастуз?!»

Ощутила, как возвращается чувствительность к губам и языку.

«Руки... Они связаны?! Господи!..»

Вдыхая уже медленнее, чтобы не дразнить мышечную боль в груди, я поёрзала всем телом. И тут догадалась, что лежу на холодном металлическом полу, прижатая чем-то тяжёлым к стене, тоже металлической. Я отлежала ноги, и бок уже настолько промёрз, что мышцы начинали протестующе покалывать.

Приподнять голову не удалось: шея занемела окончательно. Но от неловкого еле заметного движения от позвоночника в голову стрелой пронеслась боль и словно взорвалась тысячью осколками внутри неё. Глазные яблоки обожгло так, что я непроизвольно крепко зажмурилась и застонала.

Единственное логическое умозаключение, которое смогла сделать: меня чем-то опоили и я не знаю, по какой причине это со мной происходит.

Неожиданно проявился слух, и я поняла, что так напрягало последние минуты: непрерывный низкий гул, который отзывался вибрацией во всём теле. Я напряжённо сглотну-

ла горькую слюну и перестала дышать, прислушиваясь к звукам, пытаясь представить картинку происходящего. Но чей-то болезненный стон вырвал из размышлений, и меня накрыло холодным потом.

Я была не одна!.. И звали меня не Елизаветой!

Раздался глухой щелчок, а затем будто заработали пневматические насосы: что-то медленно стало опускаться или подниматься... Стоны утихли, и через секунду тревожного ожидания внутрь ворвался ледяной воздух, будто в лютый мороз настежь раскрыли дверь на улицу.

Я широко распахнула глаза и не мигала, пытаясь уловить малейшее движение сквозь маску на лице, но ничего не видела. Только чувствовала, как холод окутывает со всех сторон, пробирая до костей.

Затем послышался звук шагов, и через мгновение вокруг стали раздаваться стоны и крики. Я испуганно вжалась спиной в стену. Внезапно чьи-то руки резко дёрнули за ноги, выпрямив их, а затем сняв путы. Потом меня схватили под локти и подняли. Я не могла удержаться на ослабевших ногах и стала клониться в сторону.

– Don't move!¹ – недовольно раздалось у виска, и кто-то резко пнул по внутренней стороне стоп, заставив расставить ноги, и снова закричал: – Can you hear me?²

Через пару секунд замешательства меня встряхнули так,

---

¹ Don't move – стой/не двигайся (англ.)

² Can you hear me? – Ты меня слышишь? (англ.).

что в шее запекло от резкого рывка.

– Ну?! – снова прокричал мужчина. – Can you hear me?

Наконец, сбитое с толку сознание смогло перевести услышанное. Я нерешительно подняла голову и, пытаясь удерживать равновесие и не нарваться на ещё одну встряску, прохрипела:

– Ok... ok, I got it³...

После этого меня резко развернули и пихнули в спину так, что пришлось сделать несколько быстрых шагов вперёд, чтобы не упасть. Сзади слышались такие же недовольные крики на английском других мужчин и женские растерянные возгласы. Замедлив шаг, я шла на ощупь, настороженно шаря перед собой носками. Поверхность была ребристая, скользкая и с лёгким уклоном вниз.

Через матерчатую маску стал пробиваться свет, но её нельзя было сдвинуть ни на миллиметр, я по-прежнему ничего не видела, только понимала, что вокруг либо много света, либо сейчас день.

Пройдя несколько шагов по прямой, оказавшись на ровной поверхности, ощутила, как кожу обжёг ледяной ветер. Кажется, я была в тонкой майке и в узких брюках или джинсах: крупная дрожь пробежала по телу, и в кожу будто вонзились тысячи микроигл. Подошва обуви затвердела, каждый новый шаг грозил падением. Дышать стало трудно: то ли воздух разряженный, то ли от холода перехватило горло,

---

³ Ok, I got it... – Да, я слышу (англ.).

ко всему меня потряхивало от страха и неопределённости.

Я вертела головой, прислушиваясь, пытаюсь разобрать ощущения, но ничего не понимала.

«Что со мной делают? Кто это?! Что им нужно?» – билась мысли в мутной голове.

– Stop right there!⁴ – приказал чей-то голос впереди.

Вжав голову в плечи, я остановилась. Кто-то вцепился в спину и всхлипнул, кто-то чуть дальше откровенно послал всех матом на английском, кто-то тяжело дышал передо мной. Всё это были женщины.

«Я здесь явно не одна. Это массовое похищение? Кем и ради чего?!»

От дикого холода сковало пальцы рук, которые всё ещё были связаны за спиной. Я сжала их в кулаки, чтобы хоть как-то согреть. Макушка, кончики ушей и нос стали неметь. От растерянности и шока я немного могла разобрать, лишь слышала, что все незнакомые мужские голоса говорили на английском с разными акцентами, но не с русским. Однако, кроме голосов и, похоже, затихающего гула каких-то двигателей, пугало ещё одно: любые звуки, даже собственное дыхание звучали странно, будто вокруг пустота на сотни километров. Я пыталась представить, где нахожусь, хотя бы приблизительно, но все мысли были о том, как бы не замёрзнуть: дрожала так, что зуб на зуб не попадал.

---

⁴ Stop right there! – Стой здесь (англ.).

– Open the door!⁵ – неожиданно громко прозвучало над ухом, что я отшатнулась.

Кто-то крепко взял меня под руку и заставил идти быстрее. Звук шагов впереди и сзади сообщил о том, что нас выстроили в цепочку и куда-то ведут.

Когда ощутила под подошвой другую поверхность, буквально через несколько секунд сзади раздался схлопывающийся звук, и воздух вокруг стал быстро нагреваться. От того, что ледяной ветер перестал обжигать кожу, полегчало, хотя вряд ли можно было утешиться этим. Паника плескалась где-то на границе сознания, потому что я всё ещё недоумевала, почему не могу вспомнить, как оказалась в таком положении, но, сильнее сжав пальцы в кулаки, старалась не поддаться ей.

Когда холод отпустил тело, мысли сосредоточились на других ощущениях. Я стала принохиваться, прислушиваться, но вокруг, будто вакуум образовался: ничто не двигалось, притихли и те, с кем шла. Или я осталась одна.

Это странное бездействие тревожило ещё больше. А воображение было настолько перегружено страхами, что не давало собрать разрозненные ощущения в единую картину происходящего.

«Что же происходит?..»

И неожиданно с лица сорвали маску. Яркий свет сверху так больно ударил в глаза, что не сразу смогла разглядеть вы-

---

⁵ Open the door! – Открыть дверь! (англ.).

сокий потолок, серые металлические стены, идеально ровный глянцевый пол, в котором отражались я и ещё несколько женщин по обе стороны от меня, таких же ободранных, испуганных. Слышала их сопение и сбивчивое дыхание.

– Головы поднять! – неожиданно приказным тоном произнёс женский голос тоже на английском.

Я медленно подняла голову и на расстоянии нескольких метров увидела два прозрачных человеческих силуэта, движущихся навстречу. Моргнув и сфокусировав взгляд, наконец, разглядела женщину и мужчину в необычной форме: светло-серебристых дутых куртках и брюках с нашивными карманами. Если бы они не двигались, то разглядеть их на фоне таких же светлых стен было бы трудно, словно на них светоотражающая одежда.

Когда они остановились перед нами, меня охватило тревожное недоумение, на мгновение мысли застопорились: их лица были знакомы, но я не знала ни имён, ни кто они такие, ни где видела их.

Кто-то из женщин крикнул:

– Кто вы такие? Где мы?!

И в ту же секунду раздался такой оглушительный треск, что я подпрыгнула на месте и чуть не захлебнулась слюной. Та пленница, что крикнула, повалилась на колени, а потом и вовсе упала лицом в пол, завыв. Я закашлялась и попятилась, но чьи-то крепкие руки грубо отпихнули назад и удержали на месте за локти, заставив безуспешно скользить по полу

пятками.

Поймав на себе недовольный взгляд двух похитителей, я подавила кашель, глухо икая.

– Говорить можно, когда я позволю! – что-то в этом роде жёстко произнесла женщина: ошалелое сознание едва переводило язык, который я знала, как родной.

Я зажмурилась, сжалась и, покосившись через плечо, заметила, что за каждой из женщин-пленниц стоит крупный мужчина в такой же светлой форме, что и двое перед нами, но в шапке и широкой маске, закрывающей всё лицо, а в руках – палка-электрошокер. От жуткого предчувствия загло затылок. Хотелось хоть как-то защитить себя, однако руки всё ещё были связаны за спиной. Я вжала голову в плечи и от неконтролируемой крупной дрожи прикусила щёку изнутри. Но лишь сузила глаза, стараясь преодолеть острую боль.

Все пленницы затихли, испуганно глядя в сторону смуглой коренастой женщины, безуспешно пытающейся подняться с пола, но со связанными руками это было непросто. Несчастную быстро поставил на ноги её конвоир, она содрогалась, морщилась от боли и тяжело дышала, но больше не посмела раскрыть рта, со страхом косясь за плечо.

– Итак, слушаем и запоминаем, – продолжила главная. – Меня зовут Ламара. С этой минуты я ваши воля, воздух, еда, вода. Станете выполнять всё, что вам приказано, будете сыты, живы и свободны. Говорить и двигаться – только с моего разрешения, если не обозначу другое. Кто нарушит это, бу-

дет приласкан электрошокером до тех пор, пока не утонет в собственной моче. А вы нужны нам живые и здоровые, – как-то недобро усмехнулась она, и меня словно дежавю пронзило. Я уже слышала эту усмешку, видела эти короткие чёрные волосы и острые черты лица. Но где?

Ламара прошла перед нами, осматривая цепким оценивающим взглядом, и наконец, остановилась у первой пленницы в ряду.

– Вы находитесь в учебном корпусе «Скала». Здесь говорят исключительно на английском. О родном языке забудьте. Далее, пока вы здесь, будете носить имена, которые я дам сейчас.

В полном недоумении я мельком огляделась и повела напряжёнными плечами: мышцы шеи и спины пекло.

Главная снова окинула нас пристальным взглядом, подошла к крупной женщине слева от меня и отчеканила:

– Берта Хаинс – Первая, – а затем оглянулась на приспешника: – Снизить мышечную нагрузку, больше тренировок на ловкость.

Тот быстро вбил что-то в тонкий планшет, и она снова повернулась к женщине:

– Повтори своё имя!

– Б-бер-та... – хрипло проговорила пленница с явным немецким акцентом, опасно пригибая голову.

– Ты глухая?! – вскинула брови Ламара, а в тоне – презрение и угроза. – Я дала тебе новое имя! Повтори его! Больше

разъяснить не стану! – и наконецник её электрошокера угрожающе остановился в паре сантиметров от лица Берты.

– Первая... – выпрямилась та и замерла.

Я на секунду прикрыла глаза, переводя дыхание, как вновь раздался такой ужасающий треск, что сердце снова ушло в пятки, заставив покачнуться. На этот раз это был только пугающий жест. Но я быстро взяла себя в руки, замерла по стойке смирно, и лишь глазами следила за движением главной.

– Запомни его! – процедила Ламара, сверля угрожающим взглядом лицо пленницы. – Марш к правой стене!

Берта, или Первая, спотыкаясь засеменила к боковой стене в сопровождении личного конвоира и застыла там.

Ламара недовольно хмыкнула, перевела взгляд на женщину справа от меня и продолжила:

– Сильвия Марино – Вторая. Повтори своё имя!

– Вторая, – тихо проговорила высокая стройная женщина.

– К стене!

Как только Вторая оказалась рядом с Первой, главная холодно глянула на оставшихся и прошла к чернокожей девушке, которая, казалось, сейчас упадёт в обморок.

– Найти Мва... наджума, мать божья, язык сломать можно! – пренебрежительно усмехнулась Ламара. – Но в отличной форме, поздравляю: будет легче. Ты – Третья.

«Легче в чём?» – настороженно покосилась на высокую африканку с угольно-синей кожей, которая, повторив про-

звище и ссутулившись, на подкашивающихся ногах прошла к двум остальным.

– Кíта Ватанабэ – Четвёртая...

– Четвёртая, – с сильным азиатским акцентом мгновенно, как солдат, выдала пленница в шаге справа и замерла статуей.

– Берите пример, – хмыкнула главная и кивнула той в сторону стены, а затем шагнула к угловатой крупной блондинке чуть выше меня. – Грейс Бенсон – Пятая.

– Пятая... – дрогнул низкий голос женщины.

– Мбра Уилсон – Шестая! – пройдя мимо меня, отрезала Ламара перед той, которую недавно «приласкали» электрошокером.

– Ш-шестая... – несмело произнесла та и спешно присодинилась к остальным.

И наконец, холодный взгляд женщины упал на меня. Показалось или нет, но смотрела она с каким-то особым презрением или насмешкой.

«Почему я последняя? Это плохо или хорошо?» – невольно подумала я, косясь на остальных. Все они были крепкими, явно в хорошей физической форме, словно каждая ежедневно тренировалась в спортзале, даже та худая африканка, похожая на бегунью.

– Ты у нас особенная, да? – продолжила Ламара.

Я удивлённо округлила глаза и уставилась в её суровое лицо.

– Ева Кот... Слабая физически, по сути, бесполезна... Но отлично похудела. Толстушкам здесь не место. Ты – Седьмая!

С языка чуть не сорвался вопрос: «Для чего?», но нацеленный на меня кончик электрошокера заставил проглотить слова.

Меня мутило, и безумно хотелось выполоскать рот от горечи, но настороженно выполнила требование, еле слышно выдавив:

– Седьмая...

Показалось, ещё мгновение, и она ткнёт электрошокером прямо в лицо: настолько жестоким был её взгляд, но женщина удовлетворённо хмыкнула и отвернулась. Однако, сделав шаг, остановилась и оглянулась, тяжело прищурилась и вернулась.

– Эту... – и так резко ткнула палкой в ключицу, будто проткнула насквозь раскалённым гвоздём, что по спине пробежала капля пота. – Прекрасить! Слишком выцветшая, выделяться будет!

Брови возмущённо взлетели: «Где я буду выделяться?!»

Ламара отступила, резкими шагами вернулась к началу длинного коридора и скомандовала:

– А теперь... на дезинфекцию, дамы!

Не успела округлить глаза на новую порцию недоумения, как меня дёрнули за руки, развернули вслед последней в ряду пленниц и повели по длинному коридору-туннелю.

Мысли путались от замешательства, тревоги и чего-то тяжёлого, бьющегося в затылке, будто спрятанного от сознания, но пытающегося вырваться. Я до сих пор была не уверена, моё ли это имя – Ева Кот, что здесь делаю, реально ли всё это.

Глава 2

Нас остановили перед стеной, в которой отчётливо виднелись вертикальные швы, скорее всего, створки двери. Они распахнулись, едва глава этого хаоса дотронулась до сенсорной панели на стене.

Конвой завёл нас в большое пустое помещение, о предназначении которого я не сразу догадалась, пока внезапно не ощутила силу притяжения и лёгкую тошноту. Похоже, это был скоростной лифт... И мы куда-то спускались.

Семеро охранников, выстроившихся в ряд перед нами, сняли маски, бросив их болтаться на груди, и не спускали глаз каждый со своей цели. Инстинктивно все мы – пленницы – столпились у дальней стены. Мне достался высокий широкоплечий, но худой даже в дутых куртке и брюках мужчина с прямым тонким, при этом орлиным носом. Большие тёмные глаза так и скользили по мне, не отвлекаясь ни на секунду. Мелькнула мысль попытаться сбежать, но тут же погасла: я не знала, где нахожусь, что за стенами, а на что способны эти нелюди, они доказали. Если поймают, я не выдержу боли от шокера. Но пугало даже не это, а нечто неуловимое, всё ещё мучительно зудящее под коркой.

Наконец, лифт остановился. Главная вышла в сопровождении помощника, поразительно похожего на моего конвоира, и не оглядываясь исчезла за углом широкого недлинного

Т-коридора. Только потом нас по очереди вывели, выстроили в ряд и направили по тому же коридору.

Я шла последней, следя за шагом, чтобы не споткнуться, и тревожно осматривалась. Ничто в помещении не говорило, для чего предназначено это место. На охране не было оружия, только шокеры. Вокруг просто плоские светлые стены: на вид не металлические, не пластиковые, не бетонные, но заметно не хрупкие и монолитные. Ламп не было, но обычный дневной свет лился ровным потоком с потолка. Пол гладкий, литой, цвета топлёного молока, без плинтуса, никаких стыков, словно он сплавлялся со стеной, как и потолок. Пахло чистотой и так, как после кварцевания. Ни посторонних шумов, ни эха от дыхания или шагов, ни голосов, ни других людей.

Все эти немногие детали врезались в мозг, заставляя воображение выбрасывать самые разные гипотезы, где нахожусь. Но сознание настолько было сбито с толку, что едва ли хватало смелости предположить что-то конкретное: любое непостижимое пугало. Я понимала лишь одно: это тюрьма, из которой так просто не выйти.

Впереди по правую руку открылся широкий проём. Нас завели в большую комнату, оказавшуюся душевой с семью раковинами у одной стены и большими квадратными лейками, разделёнными прозрачными перегородками, – у другой. А в стене по центру – семь туалетных кабинок. Над каждым предметом душевой на монолитной стене выпирали округ-

лые римские цифры от единицы до семёрки.

Меня кто-то коснулся, я почувствовала лёгкое жжение на запястьях, а затем руки оказались свободны, и в этот момент за спиной раздался голос Ламары:

– Надеюсь, не нужно разъяснять, где чьё место?

Она прошла в центр и обвела помещение рукой.

– У вас семь минут на процедуры. Раздеться, одежду бросить в урну у выхода. Затем опорожнить кишечник и мочевого пузырь. После принять комплексный душ. Все имеющиеся средства гигиены использовать обязательно. После одеться: индивидуальные пакеты с одеждой на стене. Не общаться. Не медлить. Жду вас за дверью. Кто не выйдет вовремя, – и она угрожающе ласково улыбнулась, вертя в руках палку-шокер, – будет наказан. Три неподчинения, и шокер будет самым безобидным средством достижения послушания. Не советую проверять, что будет более эффективным: не люблю, когда пахнет блевотой и кровью...

Напоследок она брезгливо поморщилась и указала палкой куда-то вверх нам за спины.

Я оглянулась, и в стене над дверью заметила проявившиеся синим цифры: 00:06:59.

– Время пошло! – хмыкнула главная и вышла.

Охрана тут же покинула душевую, а дверь наглухо закрылась.

Я растерянно смотрела на уходящие секунды и не могла пошевелиться. Кажется, Четвёртая – азиатка – стала быст-

ро раздеваться и сбрасывать одежду в высокую белую урну, кто-то, как и я, оцепенел. Вскоре, подавленные и смятённые, за ней последовали и другие. Каждая заняла своё место под лейкой и стала судорожно шарить рукой по стене, чтобы включить воду, потому что ни кранов, ни кнопок не было. Они оглядывались друг на друга, восклицали что-то шёпотом, но не могли понять, почему не льётся вода. Тогда все ринулись в туалетные кабинки, затем вернулись к душевым.

«Что происходит? Какой-то маразм...» – дрожа от накалывающегося страха и непонимания, я обняла себя за плечи. Голову застилал туман, мысли перестали двигаться, застревая только на видимых предметах. Опустив глаза на свою одежду и обувь, осознала, что они знакомы, но вряд ли мои. Не помню, как покупала их или как надевала. Я вообще не могла точно вспомнить что-либо из прошлого до момента пробуждения в этом ужасающем месте.

Возгласы женщин стали тревожными: на их лицах сквозила паника. И я поняла, что время убегает, а выполнить приказанное они не в состоянии. Покосилась на таймер, на своё место под цифрой семь и решила, что выполню хотя бы часть указаний. Как только разделась и встала под душ, мгновенно из всех леек полилась вода. Ледяная. Обжигающая. Все, как и я, вскрикнули и отскочили назад.

Вода отключилась. Помедлив немного, мы переглянулись, догадываясь, что другого выхода, как снова встать под лейки, нет. Вода вновь хлынула, но едва тёплая.

Уже не обращая внимания на остальных, я живо подставила руку под белый краник с подписью Shower gel и, тут же получив порцию геля, судорожно намылилась. Пах он малоприятно, а от пены защипало кожу, будто разом опалило крапивой. Смыв её, сразу потянулась за порцией шампуня. Кожу головы тоже немного пощипало, но после ополаскивания стало даже легче, будто сняли тяжёлый обруч.

Я закончила первой и вышла в центр комнаты. Вода тут же закончилась у всех. И я с отчаянием поняла, что придётся стоять под лейкой и ждать остальных, иначе подведу их. Метнулась к своей раковине, схватила зубную щётку, пасту и снова вернулась под душ. Под хлещущей на плечи водой я заторможено водила щёткой по зубам, отрешённо рассматривая комнату и двух первых женщин, которых видела сквозь пар за перегородками. Шестая стояла, уткнувшись лбом в стену и плакала, Пятая замерла столбом с закрытыми глазами и, похоже, молилась. Ещё слышались чьи-то ругательства на немецком и, кажется, итальянском.

Всё это было до ужаса ненормальным: неизвестные похитители, невысказанные правила, пугающее будущее. Я боялась думать, просто впитывала глазами окружающее, старалась дышать, чтобы не захлебнуться паникой, и ждала.

Заметив на часах минуту до выхода, я всё же вышла из-под воды, сорвала с крючка у раковины полотенце, быстро обтёрлась и взяла свой пакет с одеждой.

Это были свободная сорочка и брюки из белой полупро-

зрачной ткани, тонкой и лёгкой настолько, что хоть в ней, хоть без неё, я ощущала себя голой. Вместо нормальной обуви были одноразовые шлёпанцы.

На последней секунде сверху раздался такой писк, что я пригнулась, зажав уши ладонями. Однако он быстро прекратился, а створки двери под часами разошлись. В открывшийся проём заспешила азиатка, но, наткнувшись на суровый взгляд Ламары, недоумённо замедлила.

– Ты – Первая? – ядовито спросила главная.

Мы все переглянулись, в глазах каждой заметила понимание, что теперь наша жизнь – это точное следование счёту, ходьба по струнке и подчинение всем, даже пока ещё не известным правилам. На какое-то мгновение это показалось до нелепости смешным, абсурдным, но наконецники палок-шокеров угрожающе поблёскивали. И я не собиралась испытывать судьбу.

«Это сон... Такого просто не может быть в реальности... Иначе бы зачем?.. Зачем им я? – захватила единственная мысль, от которой засосало под ложечкой и одновременно стало легче дышать. – Что если просто подчиниться и посмотреть, что будет?»

Женщины невольно стали выстраиваться в коридоре друг за другом, согласно своим новым именам-цифрам. Только Найти, африканка, оскалилась, как дикий зверь, и, неожиданно резко толкнув двух женщин на охранников и подбив своего коленом в пах, сорвалась на бег. Ноги у неё были

длинные, жилистые, и бежала она быстро и легко, словно всю жизнь тренировалась, но так и не смогла добежать даже до поворота к лифту: в полной тишине выстрелом электродами шокера, впившимися в поясницу, её остановил приспешник Ламары.

Вой раненого животного пронзил внутренности такой острой болью, что я на миг потерялась в пространстве. Охранники тут же схватили всех за руки и прижали лицом к стене. Но я видела, как девушку затрясло в конвульсиях, что она упала ничком и уже не поднялась. Сердце, кажется, остановилось, холод затопил до корней волос, мысли заledenели и будто встали колом в извилинах. В плечах жгло от заломленных за спину рук.

Кто-то из женщин стал сопротивляться и громко кричать. Затрещали электрошокеры, и несколько из пленниц повалились на колени. У меня перехватило дыхание, но я прижималась щекой к стене и ошеломлённо наблюдала за всем, будто бы со стороны, не до конца осознавая, что это может произойти и со мной. Что всё это может не быть сном, а чем-то необъяснимым, но реальным. И ощущение дежавю снова захлестнуло с головой. Казалось, что очень долгое время я испытывала то же самое, но сейчас не могла ухватиться за воспоминания, ускользающие в тёмных переулках сознания.

И когда, наконец, все вокруг замолкли, картинка застыла, Ламара, молча стоявшая всё это время в конце коридора, прошла к лежащей на полу Найти, хладнокровно поставила

носок ботинка на её поясницу и склонилась в усмешке:

– Я вижу, у кого-то ещё не встали мозги на место? Придётся разъяснить по-другому.

Она кивнула конвоем и выпрямилась.

Нас тут же схватили за локти и повели по коридору. Найти поднял её охранник, перекинул на плечо, словно невесомый мешок, и понёс следом за нами.

– Все в лифт! – жёстко приказала Ламара.

Грубыми толчками в спину нас загнали внутрь. Я вжалась в дальний угол и обняла себя за локти. От сырых волос становилось холодно, или это было от страха. В животе булькнуло от быстрого подъёма. Буквально через несколько секунд лифт остановился. Я настороженно бросила взгляд на створки, но внезапно двери раскрылись с обратной стороны кабины. Слеплённая ярким светом, я вывалилась наружу, не сумев удержать равновесия.

Ладонь обожгло, будто упала на раскалённые угли. Зашипев, тут же вскочила на колени и прищурилась от рези в глазах, но то, что предстало передо мной, в мгновение обессилило и заставило сесть на икры.

Глава 3

Куда ни глянь, вокруг возвышались крутые горные хребты, сплошь покрытые снегом, уходящие далеко к горизонту и скрывающиеся в плотной стене белого тумана. Вблизи некоторые пики словно протыкали облака, упираясь в чистое слепящее небо. И всё, что было видно, – ледяные склоны, подавляющие своим величием, незыблемостью и неприступностью, а в нескольких метрах – обрыв, ограждённый заледевшими поручнями и белая дымка облаков, застилающая поверхность земли. Вокруг тишина... грозная, оглушающая тишина...

Знакомое ощущение безвыходности и собственной ничтожности накрыло с головой и словно окунуло в ледяную прорубь, давая осознать, что для сна всё слишком реально и болезненно.

В лицо ударил морозный ветер. Слезящиеся глаза, казалось, покрылись коркой льда. Пальцы на ногах стали замерзать. Меня никто не трогал и не пытался поднять. Я крепко зажмурилась. Чувствуя, как заледевшие ресницы оттаивают, а влага тут же пропитывает кожу, сковывая веки, я резко выдохнула, только сейчас осознав, что перестала дышать, увидев эту картину. Новый судорожный вдох холодного воздуха, и лёгкие будто окатило кипятком. Здесь не хватало кислорода. Я заморгала чаще, растерянно поднялась на

четвереньки, чтобы отползти назад в лифт, но крупная судорожная дрожь сотрясла тело, лишив способности двигаться. А через секунду качнуло так, что я ткнулась плечом во что-то мягкое и скользкое. Это были дутые брюки моего охранника. Тот не шелохнулся, глядя на меня сверху вниз безжалостным взглядом.

Не устояв на дрожащих коленях, под весом тела заскользив плечом по гладкой ткани, я упала назад на холодный пол лифта. В лопатках и затылке разлилась огненная боль, но, шокированная от страха и чувства незащитности, я даже не поморщилась.

В конце концов, кто-то поднял меня и втащил вглубь лифта. Я сжалась в комок и, стараясь не прикусить язык, слезящимися глазами смотрела на обомлевших женщин-пленниц. Даже очнувшись Найти с дёргающимся веком и подрагивающими пальцами рук потерянным взглядом замерла на слепящем пятне в открытых дверях лифта.

– Мы на ледяном плато на высоте более четырёх километров над уровнем моря, – ровно прозвучал голос Ламары. – Дорог и спуска с плато нет. Самолёты здесь не летают без нашего ведома. Температура воздуха после захода солнца понижается до минус пятидесяти семи, так что задумайтесь. Даже если каким-то немыслимым образом вам удастся выбраться из корпуса, то здесь без специального оборудования, кислорода и костюма вам не прожить и пятнадцати минут, не говоря уже о том, что мы отрезаны от земли. Взываю к

вашему благоразумию. В то время как я гарантирую жизнь, если станете сотрудничать...

После её короткой команды створки лифта сомкнулись. Воздух быстро нагрелся, и дышать стало легче, но я продолжала дрожать.

Нас снова повели по тому же коридору. Заметно присмирившие пленницы шли молча, обречённо уронив головы, не зная, куда нас ведут теперь.

Когда свернули в другой коридор, конвоиры приказали остановиться и выстроиться вдоль стены напротив широкой двери из матового стекла, а сами скрылись за углом. Едва заметный поток воздуха шевельнул волосы у лица: это по обе стороны от нас сомкнулись прозрачные перегородки, отрезав движение по коридору.

Ламара осталась за одной из них, коснулась ладонью уха, беззвучно проговорила что-то, скорее всего, в передатчик и, бросив холодный взгляд в нашу сторону, зловеще улыбнулась:

– Будьте умницами. Вас пригласят, – и удалилась.

Никто не шелохнулся, лишь настороженно уставился на полотно двери, за которым вдруг мелькнула мужская тень.

– Первая, – прозвучал холодный голос не то с потолка, не то из стен, но он заполнил всё пространство вокруг.

Дверь тут же открылась, и в широком проёме взгляд выхватил кушетку, покрытую белой медицинской пелёнкой, лампу над ней и столик с инструментами и флаконами с

неизвестным содержимым.

По позвоночнику от затылка вниз пробежал холодок, заставив дрожать сильнее, чем от морозного воздуха. И все женщины вжались спинами в стену.

– Я сказал: Первая! Повторять не стану! – сдавил перепонки нетерпеливый мужской голос.

Первая молодая женщина неуверенно прошла к двери, а переступив порог, тут же была отрезана от нас матовым стеклом. В голову стукнуло, что все мы попадём в руки доктора Джекилла⁶, и неизвестно, что с нами сделают.

В ту же секунду ощутила что-то тёплое мокрое под ногами. Опустив глаза, увидела, как бледно-жёлтая лужица растекается от ног Шестой и пропитывает не только мои шлёпанцы, но и Пятой. Перебирая руками по стене, та отстранилась на пару шагов и поймала мой взгляд. В её глазах я прочитала тот же страх, что пульсировал и у меня внутри.

Шестая, очнувшись, скрестила ладони на пахе и сползла спиной по стене, с ужасом застыв взглядом на двери.

Я отступила в сторону и тоже замерла.

Ожидание было болезненным. Столько панических мыслей заселило голову и лишало всякого смысла к действию. Я переводила глаза от одной точки двери к другой, от потолка к полу, но не за что было зацепиться, чтобы дать отчаявшемуся разуму надежду.

– Вторая! – раздалось очередное приглашение.

---

⁶ Доктор Джекилл и мистер Хайд – история ужасов о докторе-монстре.

И я проводила спину смуглой девушки в проём двери, не сумев высмотреть внутри ничего, что успокоило бы.

Нас вызывали по номерам. И страшно было оттого, что никто не возвращался обратно. Я с ужасом смотрела на дверь и всё ждала, что сейчас кто-то крикнет или завизжит от боли, но за ней стояла полнейшая тишина.

Наконец, я осталась одна. Отчаянно хотелось вырваться отсюда хоть куда-нибудь, но бежать было некуда.

Когда дверь открылась синхронно с приглашением моего позывного, я на секунду упёрлась спиной в стену, а потом будто пружиной рванулась внутрь, чтобы как можно скорее избавиться от напряжённого ожидания.

Дверь за спиной закрылась. Я с удивлением осознала, что нахожусь в светлой тёплой смотровой, где играет тихая музыка. У дальней стены сидел мужчина в белом комбинезоне и прозрачной маске, а у кушетки ожидала молодая женщина восточной внешности в такой же форме.

– Раздевайтесь полностью и ложитесь на кушетку, – бесстрастно распорядился мужчина, поднимаясь.

– Что вы будете делать со мной? – тихо спросила на свой страх и риск.

– Вопросы задавать не положено, Седьмая! – строго произнесла, видимо, ассистентка врача неприятным для такого миловидного лица голосом.

Ледяными пальцами я сняла пижаму и кое-как стянула шлёпанцы, прилипшие к стопе. Девушка тут же забрала

одежду и бросила в пластиковый контейнер с крышкой. Настороженно забравшись на кушетку, я широко раскрытыми глазами следила за каждым движением высокого худощавого мужчины, который остановился в ногах и ожидал, когда я размещу их на подставках. Внутри всё сжалось до боли. Я помнила, что ненавижу врачей, особенно тех, кто по своей специфике должен слишком откровенно прикасаться к пациенту.

Как только легла на спину и раздвинула ноги, ассистентка положила ладони на мои плечи и прижала к кушетке. От этого я сжалась до судорог в икрах.

– Расслабься, Седьмая. Это обычный осмотр, чтобы ты не принесла сюда никакую заразу, – убийственно спокойным тоном проговорил врач и склонился надо мной.

От его жутких светло-голубых, почти бесцветных глаз, белых ресниц и бровей стало не по себе. Показалось, что я уже видела этого альбиноса. Только где?

А потом я пристально следила за каждой его манипуляцией: как он брал инструмент, как склонялся и делал соскоб, как шурился, ощупывая меня рукой в перчатке, и недовольно ворчал, что не опорожнила кишечник, и боялась даже моргнуть, чтобы не упустить ничего. Проще было бы зажмуриться и перетерпеть, но я не была на обычном приёме у гинеколога.

Затем он намекнул жестом, что можно опустить ноги и сесть, я с облегчением выдохнула и тут же села, сжав бёдра и

скрестив руки на обнажённой груди. Мужчина встал передо мной, заставил раскрыть рот, взял мазок, осмотрел голову и уши. А потом обхватил моё запястье костлявой рукой, потянул на себя и быстрыми пальпирующими движениями прохладных пальцев прошёлся по предплечью. Затем взял кровь в несколько колб с разноцветными жидкостями внутри.

Не успела моргнуть, как он без предупреждения приставил какой-то аппарат к локтевой вене, и руку обожгло огнём. Я дёрнулась от него, зашипев. Из глаз полились слёзы, но ассистентка, крепко удержала за плечи, чтобы я не упала назад.

Когда он убрал аппарат, я посмотрела на сгиб руки и увидела множественные следы от игл, будто мне поставили какую-то инъекцию.

– А теперь сиди спокойно, иначе будет ещё больше, – прибризил ко мне бледное лицо мужчина и прищурился.

Я замерла в ещё большем напряжении. Что-то холодное коснулось поясницы, а через секунду глаза чуть не вылезли из орбит, и лицо свело судорогой, потому что почувствовала, что буквально горю изнутри, словно по венам пустили лаву. Но не эта боль испугала – шокировало то, что я перестала ощущать собственные ноги, а за ними и руки, и всё тело...

Я стала клониться набок, перед глазами всё поплыло. А после... после ничего не помню...

Глава 4

Я всё же упала. Хруст в шее... Мимолётный быстро затухающий огонь по позвоночнику... А затем холод до полного исчезновения самых примитивных чувств... Всё вокруг затопил чистый космический вакуум...

«Я умерла, – равнодушно подумала и открыла глаза. Вокруг было белым-бело без малейшей тени или уголка. И такая умиротворяющая тишина, что я с удовольствием уронила голову в пуховую перину пространства, впитывая блаженство перехода в небытие, наслаждаясь отсутствием сожалений, грусти, вины. – Если такова смерть, то это счастье!..»

Но тут перед глазами показалась серая дымка и из неё прозвучал замогильный голос:

– Признай все грехи, что совершила, и отпущено будет тебе...

«Зачем мне признаваться? Я уже умерла, – подумала с искренним недоумением. – А это предрай или предад?»

– Ты боишься признаваться?

«Я боюсь темноты, а нагрешила я по всем статьям... даже убила... кого-то, кажется... – я остановила мысли-речи и задумалась: – Зачем я в этом призналась? Ангелы такое не прощают... Только... гномы...»

Жуткий писк выбросил из умиротворяющего вакуума. Я едва не захлебнулась темнотой вокруг и мигом распахнула

глаза.

Первыми почувствовала кончики пальцев. Они касались чего-то тёплого, мягкого, нежного, но сами руки были онемевшими. Когда глаза почти привыкли к темноте, внезапно вспыхнул потолок, заполнив всё помещение ровным мягким светом.

Я повернула голову и увидела справа от себя ряд кроватей, на которых лежали уже знакомые женщины и тоже озирались. Похоже, они проснулись только что, все так же растерянные, испуганные и явно под воздействием какой-то химии.

Я поднялась на локтях, голова была тяжёлая, но сразу бросилось в глаза то, что на обнажённых плечах и груди лежали тёмно-каштановые волосы. Я потянула за прядь и поднесла к глазам. Это и впрямь были мои волосы, но уже другого цвета. Поднеся локон к носу, не ощутила никакого запаха, будто окрасили давно. Но мне казалось, что не прошло и часа, как потеряла сознание.

– Сколько прошло времени? – произнесла Найти, поднимаясь с кровати и обнажённая выходя в центр комнаты.

Я молча поднялась и прижала подушку к груди, чтобы хоть как-то прикрыться.

– Подъём! Одежда в именном шкафу. У вас семь минут на сбор в коридоре. Не общаться! – заполнил комнату знакомый женский голос.

В центре на потолке включился синий таймер.

– Не думаю, что долго, – прошептала женщина с соседней

кровати и мигом оказалась у шкафов, расположенных в стене напротив.

Я на цыпочках пробежала к своему и открыла первую дверцу. На полке на уровне лица лежала расчёска, резинка и белые носочки-следы. Живо зачесав волосы в хвост, я закрепила их на затылке и быстро надела бельё. Бесшовное, белое. И остальная одежда тоже была белой: брюки с широкой резинкой и нашивными карманами и короткий без бретелей топ из эластичной материи, плотно облегающий грудь. Внизу стояла обувь, похожая на литые кроссовки из резины. Наделись легко, обволокли стопу, как родные. Уверена, что в продаже таких не видела, но форма была откуда-то знакома.

Выпрямившись, посмотрела на остальных. Одежда у всех была одинаковая, но сидела по-разному из-за особенностей фигуры. Снова отметила, что я самая маленькая и хрупкая, хотя раньше таковой себе не казалась.

И опять виски сдавило от поиска себя в прошлом, но, похоже, эта часть жизни была спрятана за плотной пеленой, и чем больше я в неё всматривалась, тем сильнее начинала болеть голова.

Переведя взгляд на потолок, заметила, что время ещё есть, и открыла вторую дверцу шкафа. За ней висела пустая штанга, а на дверце – зеркало в полный рост. И, впервые увидев себя целиком, абсолютно уверилась, что это я. Всё было на месте, никаких синяков или порезов, здоровая кожа, ничуть не обмороженная, я узнавала себя, только фигура каза-

лась немного чужой.

Склонившись к отражению, заглянула в глаза, рассмотрела лицо: ровная смуглая кожа слегка смутила.

«Кажется, я была другой? Толще... бледнее... Хм, бледная моль...» – последняя мысль была какой-то чужой, будто навязанной кем-то. Но вот маленьких бусин серебряного цвета – гвоздиков в ушах точно не помнила. Я давно не носила серёжек.

«Странно, я помню свой внешний вид, чего не люблю, чего не имела, но не знаю, что со мной было и откуда я. У меня избирательная амнезия? Такое только в кино бывает...»

Я оглянулась на таймер и коснулась мочки, собираясь снять гвоздик и рассмотреть его, но тот не имел застёжки, а был запаян идентичной на ощупь бусиной, как и второй.

Неизвестный шорох отвлек от вопросов: в дальней стене открылся широкий проём в коридор.

Женщины, спотыкаясь и путаясь, выстроились по именам и поспешили в коридор. Я переступила порог спального помещения с последней секундой и замерла, тяжело дыша в затылок Шестой.

* * *

В коридоре нас никто не ждал. Было светло, тихо и жутко. Неожиданно прозвучавший в голове незнакомый женский голос заставил содрогнуться и обхватить её ладонями:

– Седьмая, иди по коридору налево. Комната семь.

«Что это – галлюцинации?» – засомневалась я, чувствуя, как вспотели ладони.

Бросив взгляд на остальных, догадалась, что и они получили подобные послания. Кто-то схватился за уши и, похоже, впервые заметил бусины-гвоздики, наведя на мысль, что это не галлюцинации, а передатчики, встроенные в серьги. Четвёртая первой вышла из строя и поспешила по коридору в противоположную сторону. Я мешкала и ловила вопросительные взгляды оставшихся. А когда все несмело, но явно зная направление, пошли в разные стороны, я повернулась налево и поспешила следом за Шестой и Пятой.

За углом коридора действительно были двери с цифрами. Женщины вошли в соответствующие их позывному, а я застыла перед своей.

Дверь распахнулась внутрь. Я настороженно глянула в проём светлого помещения, заметила стол, стаканы с водой и два стула по разные стороны. А на вдохе замерла, увидев высокую широкую мужскую тень у стены. Она сдвинулась с места, и через мгновение передо мной предстал темноволосый бородатый мужчина.

Время будто остановилось. Воздух замер в носоглотке, горло стянуло. Широко раскрытыми глазами я впитывала лицо этого человека, утопая в пелене, которая не давала вернуть себя из прошлого.

– Здравствуй, Ева! – произнёс он на чистом русском.

Едва услышала его голос, моргнула, и вспышка памяти чуть не сбила с ног, будто сверху прибило мешком, что даже склонилась вперёд. Из тёмных глубин забвения лавиной хлынули воспоминания о том, что принесло меня сюда, и как будто плёнку кинофильма стали медленно отматывать назад: свистящая, слепящая воронка... Горячие пески Мёртвого города... Непроходимые джунгли... Душные туннели катакомб... Бюро... Ресторан... Аэропорт...

– Соня и Илья! – вылетело изо рта, будто меня выдавили, как тюбик с пастой. Глаза заслезились.

Я пыталась вобрать потерянный воздух, ухватилась за дверной проём, но грудь сдавило так, что не могла ни вдохнуть, ни обрести равновесие. Мужчина спешно шагнул навстречу, взял меня под руку и в полусогнутом состоянии довёл до стула за столом.

Отчаянно хотелось сбросить его руку с локтя, выпрямиться и расцарапать ему лицо или придушить, но всё это пока было не доступно. Я не могла перебороть шоковый порог и контролировать тело.

«Господи, помоги мне!» – взмолилась неистово.

– Ева, успокойся... Дыши ровно, – услышала заботливый тон, ощутила поглаживания по спине.

И это привело в чувство. Болезненная знакомая реальность заполнила до предела, возвращая всё на свои места, словно и не было никакой амнезии.

Я резко вдохнула, выпрямилась и вырвала руку из паль-

цев врага. Да, теперь я точно знала, что это враг, и не могла показать слабости. Я оглянулась, одаривая мужчину презрением, и процедила сквозь зубы:

– А что, Лиза уже не в моде?

Тот самый Макс медленно опустил руки, степенно одёрнул полы пиджака и с вежливой полуулыбкой прошёл к стулу напротив.

– Конечно, ты не Лиза, и никогда ею не была, мы оба об этом знаем, – до тошноты спокойным тоном проговорил он и сел.

– Тогда какого чёрта всё это происходит?! – вспыхнула я, готовая кинуться на него и голыми руками разодрать горло. И такой соблазн несколько не покоробил.

– Садись, Ева, поговорим, – мягко осадил он.

Я рванула стул за спинку и села вовсе не по-женски, вперив ненавистный взгляд в лицо ублюдку: сомнений не осталось – он сотворил это со мной.

– Говори: мои дети – что с ними? – жёстко потребовала я.

– Успокойся, дорогая, – ровно проговорил Макс. – Дерзость здесь не поможет. Это во-первых, во-вторых, – она опасна для тебя.

– Что, приласкаешь электрошокером, «дорогой»! – передразнила язвительно, до боли в пальцах сдавливая подлокотники стула.

– Я не хочу причинять тебе боль. Но придётся, если ты продолжишь в таком тоне.

Я резко сорвалась со стула, выставив ладони на стол.

– Да плевать мне! Немедленно скажи, что с моими детьми и что тебе надо от меня?!

– С ними всегда всё было хорошо. За ними присматривают.

– Кто?!

Макс поднялся, вынул из кармана какой-то пульт, встал у торца стола и нажал на кнопку.

Затаив дыхание, я перевела взгляд на вспыхнувшую стену, оказавшуюся интерактивным экраном. И вдруг увидела до боли знакомые очертания своего двора. По дорожке от дома к калитке, безрадостно гребя игрушечной лопаткой по мокрой земле, шёл Илья, а за руку с ним – тоскливо озирающаяся Соня. Рядом с малышами шла незнакомая женщина и что-то рассказывала им. Они совсем не изменились, будто не прошло и ночи, как я не видела их, но выражение лиц заставило сердце сжаться: грустные, несчастные, потерянные.

«Что было с ними всё это время? Они могли подумать, что я их бросила!» – судорожно вдохнула я, невольно касаясь горла.

И всё же это было первое настоящее облегчение за долгое время: мои гномики живы, на вид здоровы, и за ними смотрели. Но напряжение и страх ударили второй волной, когда осознала, что неспроста дети были под наблюдением.

Экран погас, и связь с детьми будто снова оборвалась. Из головы выветрились все предостережения похитителей,

инстинкт самосохранения отказал, и я буквально набросилась на Макса, схватив его за воротник пиджака, пытаюсь добраться до шеи.

– Ах ты, скотина! Что ты со всеми нами сделал?!

Но внезапно на плечи камнем опустились чьи-то сильные руки и отшвырнули к стулу. Удержав равновесие, я сжала подлокотники и яростно оглянулась.

– Не рыпайся! – жёстко произнесла молодая женщина восточной внешности тоже на русском с заметным акцентом. И я могла поклясться, что уже видела её, но не могла вспомнить, где.

– Знакомься, Седьмая, это твой координатор Сейнара, – сухо проговорил Макс, потеряв всякое расположение. – В течение некоторого времени она будет сопровождать тебя всюду, – и он постучал пальцем по своему уху, – у тебя в голове.

Зло пыхтя, я отвернулась и вперилась в столешницу, стараясь взять себя в руки.

– Успокоилась?

Макс подвинул пластиковый стакан с водой, но я его проигнорировала. На секунду прикрыв глаза и сделав глубокий вдох, сдавленным голосом спросила:

– Где я?

– Ты в Скале.

– Где я действительно нахожусь?! – прошипела, косясь за плечо. – Я же не дура: это место – что-то нечеловеческое!

– Отнюдь. Всё это построено людьми и для людей. Пока ты

этого не понимаешь, но позже обязательно увидишь лично. И это правда: ты не дура. Калейдоскоп не ошибся в тебе, отобрав для нас.

Я недоумённо вскинула брови.

– Это программа – искусственный интеллект, – пояснил он.

– Для чего отобрали?!

– Нам были нужны особенные люди для выполнения важной миссии. Калейдоскоп просчитал вероятности. Мы выбрали самых перспективных.

Растерянно прижавшись к спинке стула, я шарила взглядом по стенам, будто в них могли скрываться ответы. В памяти продолжали возникать всё новые образы и детали, и вот уже замелькали лица тех, с кем была до всего этого.

– Я была не одна... Где остальные? – спросила с опаской.

– Тебе больше не нужно о них думать.

– Хоть кто-то жив?! – с угасающей надеждой протянула я, щурясь от ярких вспышек воспоминаний, как всех нас затягивало в воронку.

– Разве они важны для тебя?

– Мать твою, просто скажи! – сорвалась я.

Но он равнодушно повёл плечом, прищурился, пристально глядя в глаза, и с тем же безразличием ответил:

– Для нас важна ты, всё, что случилось с остальными, честно говоря, неинтересно. Для тебя сейчас главное – сосредоточиться на своей задаче...

– И какая у меня, на хрен, может быть здесь задача?!

– Умерь пыл, Седьмая! – вежливо, но настойчиво произнёс он.

Я сглотнула и снова глубоко задышала, чтобы удержать себя от необдуманных действий.

– Да-а, – задумчиво протянул Макс и усмехнулся: – У этих мальчишек и половины твоей силы духа не было.

– Поэтому они не здесь? Поэтому вы их убили?! – рассекая его лицо острым взглядом, передёрнулась я.

– Отбирались не они – испытывали тебя, – открыл истину Макс. – Они были лишь твоим раздражающим фактором. К тому же парней никто не убивал: их неловкость и неосторожность привела к смерти. Кто же виноват, что они такие недалёкие?

Растерянно уронив плечи, я затихла, переваривая сказанное. И Макс замолчал. Я протянула руку к стакану и без остановки осушила его. Трудно было поверить, что в один миг парни, с которыми я столько пережила, просто исчезли навсегда. Теперь было понятно, почему из всех коллег только я видела странные сны...

И вдруг новое озарение подкинуло на стуле: «Арес! Господи, там был Арес?! Что с ним?!» – широко распахнув глаза, уставилась на Макса. Арес – Арсений был ещё жив, когда нас втянуло в воронку. От мысли, что и его не стало, бросило в холодный пот.

– В песках был ещё один человек... Мужчина, он при-

шёл позже с девчонками... Что с ним? – едва выговорила я, безумно боясь услышать ответ.

– Не имею понятия, о ком ты говоришь, – холодно ответил Макс.

– Враньё! – наклонилась к столешнице я. – Ты его видел. Ты следил за нами... И он прошёл через то же, что и я. Он хотя бы жив?

Макс посуровел, поднялся и обошёл стол, оказавшись за спиной.

– Я думал, ты научилась терять, – произнёс тихо, но более зловещего тона я не слышала.

От его слов зажгло в животе, словно лопнул мешок с углями и те рассыпались, опаяя безнадёжностью и нестерпимым горем. Но едва перед глазами мелькнули лица Сони и Ильи, я выпрямилась и оглянулась.

– Для чего я вам нужна?

– Это не важно.

– Если всё не важно, то, что важно?!

– Узнаешь в своё время. Сейчас ты должна чётко понимать правила и исполнять то, что требуют. Выполнишь всё, что нужно, и мы тебя отпустим.

– Сколько я здесь буду?

– Об этом ты тоже скоро узнаешь.

– Жаль, что я тебя не убила! – ледяным голосом выдала я.

– Да, ты умеешь расставлять приоритеты в жизни или смерти, – даже с какой-то гордостью ухмыльнулся Макс и

вернулся к своему месту. – Но у тебя не вышло бы. Однако, если ты будешь умницей, мы поговорим о наших недоразумениях после завершения миссии.

– Пошёл ты... – и я выдала порцию отборного уличного мата. Из каких уж только уголков памяти вынула?!

Однако это только позабавило Макса, он ухмыльнулся и проговорил:

– Мне нравится, как ты изменилась, Ева. Это к лучшему! Могу тебя обрадовать: здесь у тебя будет всё необходимое для комфортной жизни. Только не нарушай простых правил. Внимательно наблюдай, слушай всё, что будут говорить, и подмечай всё, что на первый взгляд кажется обычным. А теперь иди ужинать. Наверное, проголодалась?

От его извращённой заботы аж затошнило.

– Приятного аппетита! – поднялся он и указал рукой на дверь, которая тут же распахнулась.

– Чтоб ты подавился! – прошипела в ответ и поднялась.

Проходя мимо Сейнары, окинула её беглым взглядом. А та, провожая с пристальным вниманием, ядовито проговорила:

– Удачи, Седьмая!

И я вспомнила, где видела её: во сне в аэропорту за столом вместе с тем мужчиной, который недавно был моим конвоиром. Японка, или где-то рядом.

«Как всё это взаимосвязано?!»

Глава 5

Я вышла из комнаты, и голос направил дальше по коридору. Тот привёл к знакомому лифту, у которого уже собрались остальные пленницы. Они выглядели растерянными, разбитыми, и у всех в глазах плескались страх и боль. Только Четвёртая, как скала, держалась с неподвижным, холодным лицом.

Голос приказал войти в лифт. Мы были одни, без конвоя. Но никто и не думал бежать, искать выход: всё равно некуда и чревато.

Едва двери кабины сомкнулись за нами, как практически сразу открылись на другом этаже. Все двинулись в одном направлении, очевидно, повинуясь голосу координатора, пока не оказались у широкого проёма зала.

На пороге с непроницаемым лицом, с заведёнными за спину руками, расставив ноги на ширину плеч, в светлой брючной форме ожидала Ламара.

– Ужин, дамы! – так громко и резко выдала она, что некоторые подпрыгнули на месте, и вошла в зал.

«Вражина!» – едва не оскалилась я, но сумела подавить ярость, стиснув челюсти.

Мы несмело столпились на пороге. Это оказалась столовая. Стол с одного края был накрыт на семерых: мясо в подогреваемых металлических ёмкостях, тушёные овощи ас-

сорта, зелень, хлебные лепёшки, несколько видов фруктов и напитки. Слюноотделение началось ещё до того, как почувствовала ароматы. Готова была броситься на еду, как дикий примат, и есть прямо руками. И остальные смотрели на стол жадными глазами, видно, тоже натерпелись.

Я сглотнула и перевела взгляд на главную.

– Что стоите? За стол! – хмыкнула та, явно забавляясь нашим запуганным поведением.

Все заняли места согласно именам и стали класть в тарелки всё разом, будто запасаясь заранее.

– Итак, вы познакомились со своими кураторами и координаторами. Всё время в Скале вы будете плотно взаимодействовать, – строгим тоном начала Ламара, прохаживаясь перед нами, словно надсмотрщик с плетью перед рабами. – Регламент вашего дня чётко расписан. Все режимные процедуры выполняются в группе. Отдельно никто не ест, не спит и не бродит, если не разрешено обратное. Движение в любое помещение – всегда в группе, согласно порядковому номеру. Вы можете говорить только со своими кураторами, координаторами и со мной, если я позволяю, но между собой общение вне совместной задачи запрещено. Не исполнять любое режимное мероприятие – нарушение правила. Не исполнять указание – нарушение правила. Три нарушения – наказание...

Никто не осмелился есть, все косились на женщину и судорожно сглатывали.

– Вопросы? – великодушно взмахнула палкой-шокером Ламара.

– Нам так и не сказали, что мы должны сделать для вас? – подала голос Первая.

– У немцев дурная память? – усмехнулась вражина. – Все-му своё время.

И немка, качая головой, набила рот овощами.

– Когда нас отпустят? – осмелела Пятая, по акценту, скорее всего, англичанка.

– Зависит от качества вашего сотрудничества! – снова неопределённо ответила та.

– А что конкретного мы можем узнать от вас, если вы только запугиваете нас и ничего не говорите? Сотрудничать? Под принуждением? – истерично усмехнулась Шестая. – Особенно если в руках электрошокер?

Ламара замедлила и грозно оглянулась на женщину, а затем подозрительно мягко улыбнулась и сказала:

– Обещаю, что электрошокеры будут применяться в случае агрессивных действий с вашей стороны, но, уверена, вы будете отлично замотивированы выполнять все задачи эффективно.

– Вы будете нам платить?! – недоумённо покосилась на главную Вторая.

Я нахмурилась, удивляясь настолько нелепому вопросу в таких обстоятельствах.

– Итальянки все такие легкомысленные? – усмехнулась

Ламара и положила шокер на стол перед нами. – Жизни ваших близких – достойная оплата?

И в спину будто кол вбили: «Мои малыши!»

Сознание затопила кипящая ярость. Я ухватилась за столешницу и зажмурилась, чтобы не вскочить и не перевернуть стол. Ещё секунду напряжённой тишины, и не удержалась бы, но гадина резко охладила пыл:

– А сейчас хватит болтовни: на ужин пятнадцать минут! Всё начнётся завтра! – и, напоследок окинув нас холодным взглядом, солдатскими шагами покинула помещение.

Столовая погрузилась в мрачное молчание. Все тупо уставились на тарелки перед собой, не решаясь есть. А я вперилась в стену напротив, на которой появился таймер.

«Господи, мы похожи на стадо овец, которыми понукают натренированные псы...» – промелькнуло в голове и тут же осеклась, на миг испугавшись, что и мысли могут прослушивать. Но потом поморщилась, не веря в существование таких технологий.

Чтобы не думать о страшном и хоть немного дать отдых истощённому мозгу, я положила на тарелку овощи и кусок мяса. Еда выглядела качественно приготовленной, натуральнее некуда, не то, что в песках. Есть хотелось безумно, но, когда я набила рот, она показалась безвкусной, как вата, словно всё это было бутафорией.

Я прожевала кусок мяса и с трудом проглотила.

– Хоть кормят вкусно, – прошептал кто-то, тоже начав

есть.

– На убой, – хмыкнула немка.

– Просто ешьте и делайте, что скажут, – недовольно заговорила Четвёртая.

Я сунула в рот вилку с кабачком. Он был хрустящим и пах вкусно. Но грудь сдавило от мыслей: что там едят мои малыши, не издеваются ли над ними шокером, добиваясь послушания. И сразу отмахнулась от страшных картин, чтобы не запугивать самоё себя.

Больше есть не могла и просто наблюдала, как едят остальные. Похоже, аппетит был только у Четвёртой и у Первой – самой крупной женщины.

Как только время вышло, прозвучал сигнал. Все поднялись и вышли в коридор, следуя за светящимися стрелками, указывающими направление. Снова лифт. Коридор...

Я шла следом за пленницами и мучила себя вопросами: «Когда это закончится, и что начнётся завтра? Почему всё это свалилось на меня? Что я сделала не так в этой жизни?»

Указатели привели в душевую. Кто-то спрятался в кабинке туалета, кто-то, как и я, почистил зубы и встал у двери, наблюдая, как таймер на стене отсчитывает уже три минуты.

Так же после сигнала мы молча оказались в спальном помещении за углом душевой. Дверной проём захлопнулся. На потолке вновь появился таймер в одну минуту. Без слов было понятно, что на каждое очевидное действие нам дано определённое время.

Я разделась до белья и легла под одеяло. Как только все улеглись, свет тут же погас. Я вжалась в матрас от крошечной темноты. Дома за окном спальни горел уличный фонарь, я никогда не закрывала шторы, поэтому могла различать контуры предметов, но не здесь. Дрожь прокатилась по телу. Однако в центре потолка неожиданно расплылось бледное световое пятно, да так и осталось. Я протяжно выдохнула от облегчения.

Все затихли. И полной тишине кто-то произнёс слабым голосом:

– Доброй ночи, и да поможет нам Бог!

И я зажмурилась от отчаяния.

Это был долгий-долгий день, но я не могла просто закрыть глаза и уснуть. Сердце всё ещё толкалось в грудину, как перегруженный насос. Воспоминания одно за другим будоражили нутро, вызывая всё новые вопросы. Всё сказанное Максом ничего не объясняло, я до сих пор не понимала цели происходящего, это подавляло и окунало в отчаяние грядущей чередой испытаний.

Когда гул в ушах немного стих, услышала, как шепчутся Шестая и Пятая, выясняя, куда попали и что им рассказывали их так называемые координаторы. Найти вспомнила, как в песках пропали шестеро членов её спортивной команды, как была шокирована тем, что единственная выжила, хотя те были и быстрее, и выносливее. Остальные шумно вздыхали.

А мне вдруг показалось, что в световом пятне на потолке

встали лица моих парней: Степана, Ромы, Виктора, Яши и Антона. Их всех было безумно жалко, даже тех безголовых девчонок. И тех, кого я сама бросила умирать. Какими бы они ни были, но не заслужили такой участи, и уж точно не мне было решать их судьбу. Однако из всех осталась только я, и теперь их смерти будто тоже были на мне.

Но больше всего не могла поверить, что погиб Арсений. Ярко представились его открытый тёплый взгляд, горячий глубокий поцелуй, забота и сочувствие... последний тревожный взгляд, и сердце защемило от жалости. Слезы залили уши. Я молча вытерла лицо ладонями и перевернулась на живот, уткнувшись носом в подушку, стараясь не зарыдать в голос.

«Грузинский переулок, дом десять, квартира двадцать три... Девятьсот двадцать пять, триста пятьдесят, сорок, два нуля... – уверенно повторяла я заученные координаты Арсения. Там жила его сестра Ядвига. – Если мне повезёт, я доберусь до неё и исполню обещание. Если повезёт...»

Даже самый дикий ночной кошмар в песках не был столь тяжёлым, как эта ночь. А она была очень долгой...

Глава 6

Я проснулась оттого, что Соня положила ладошки на край матраса и тихо засопела. Она всегда так будила меня в выходной, когда я спрpsonья выключала будильник. Я улыбнулась, но тут же распахнула глаза, испугавшись, что сестру могут ударить шокером.

Однако рядом никого не оказалось. Только потолок медленно светлел, наполняя комнату дневным светом.

Я первая заметила, как появился таймер, а за ним прозвучал пронзительный сигнал. Все подпрыгнули на кроватях, озираясь и приходя в себя. На одевание снова была одна минута.

Я оделась в ту же одежду, мельком осмотрела себя в зеркало – внешне ничего не изменилось, и встала у двери.

Никто не сомневался, вновь следуя за стрелками. Сонные, подавленные, мы вошли в душевую. По времени на таймере догадалась, что душ нам принять не дадут, но кто-то так не считал и встал под лейку. Вода так и не пошла. Я умылась, почистила зубы и, хоть вода была ледяной, напилась, сколько смогла: вдруг не напоят, и замерла под таймером.

Голова была тяжёлая, мысли мутные. Вряд ли спала, просто провалилась на секунды под самое утро. А потом этот голос, будто пуля в висок, пронзил до боли и приказал идти по указателям.

Мы свернули несколько раз по коридору и оказались в широком холле перед прозрачными створками, за которыми едва разглядела охранников в отражающей свет форме.

Двери распахнулись, и координатор велела следовать внутрь.

Это оказалось огромное высоченное помещение, чем-то напоминавшее хорошо оборудованный спортивный зал университета, только здесь было гораздо больше снарядов. Взгляд потерялся в многообразии представленного, но и хозяева не особо дали рассмотреть, выстроив нас в ряд у стены и приказав не двигаться.

Из глубины зала вышла Ламара в неизменно собранном виде, подтянутая, строгая и неумолимая.

– Группа! – поприветствовала она, пристальным взглядом окинув каждую из нас. – Как вы заметили: больше никто не сопровождает вас в Скале. Отныне так и будет. Однако не обольщайтесь. Корпусом Скалы управляет программа «Калейдоскоп». Все ваши действия моментально отслеживаются и анализируются системой посредством чипа-контроллера, который вживлён вам в позвоночник. Мы видим, куда вы двигаетесь, и слышим, что вы говорите, даже как дышите... Не подводите себя!

Я тяжело сглотнула, а вспомнив медосмотр, чуть отклонилась и бегло осмотрела полуобнажённые спины остальных. Однако не заметила ничего особенного, но абсолютно у всех были покраснения на пояснице. Я невольно потянулась

к своей. Кожа показалась болезненной, но ничего подозрительного не нащупала даже под резинкой брюк.

– Калейдоскоп не даст вам избежать наказания, поэтому следите за тем, чтобы не нарушить правила, потому что три нарушения ведут к наказанию. Будьте предельно внимательны и последовательны.

Все стояли смиренно, почти не дыша. Ламара замолчала, осмотрела нас строгим оценивающим взглядом и продолжила:

– Сейчас вы находитесь в тренировочном зале. Испытания начнутся прямо сейчас. В течение двух дней мы изучим ваш потенциал. У каждой свой инструктор, приказы которого вы выполняете беспрекословно. Вопросы?

– Зачем всё это? – нерешительно спросила Найти.

– Нужно выявить ваши сильные и слабые стороны. Мы видели вас в естественной среде, но теперь важно понять, как вы действуете в заданных условиях.

– Вы не ответили на вопрос... – подала голос Шестая.

– Разве? – угрожающе прищурилась та, а Шестая едва ли не влипла в стену, косясь на охранников с шокерами.

– Хм, так и быть, придам целесообразности вашим усилиям, – с издёвкой усмехнулась вражина. – Вы отобраны для важной миссии: добыть для нас нужную информацию. Сразу скажу, что до конца дойдут немногие, но тот, кто дойдёт, будет освобождён и возвращён домой без всяких последствий и с наградой.

– Нас могут убить?! – испуганно выдавила Найти.

– Если вы засветитесь, то станете бесполезны нам, а значит, выбываете. Но выбыть не значит вернуться домой. Выбыть – значит стать мясом. Все вы помните джунгли – зверей надо кормить...

– Там не было зверей... – прошептала Шестая, но, поймав на себе суровый взгляд главной, тут же испуганно опустила голову.

– Просто они были не голодные, – зловеще усмехнулась Ламара.

Я напряжённо вытянулась и замерла. Все нервно косились на охранников и, наверное, так же, как и я, недоумевали.

– Мы должны показать свою физическую подготовку? – несмело спросила Вторая.

– Силу мы оставим нашей спецгруппе, если это станет необходимо, – оглянулась на охранников Ламара. – Ловкость будет вашим преимуществом, но в первую очередь нас интересует гибкий ум, нестандартные решения, отсутствие моральных и физических зажимов.

«Моральных зажимов?! Что это значит?» – холодом откликнулось в животе, и я сглотнула.

– А если мы все справимся? – боязливо выдохнула Пятая.

– Поверьте, не вы первые тешились этой надеждой, – усмехнулась главная. – И сюда-то вас попало всего семеро из трёхсот кандидатов.

– Кандидатов куда? – с ужасом спросила Найти.

– В отряд самоубийц! – тут же отчеканила Ламара и почему-то прищурилась на меня.

Я вспомнила героев этого фантастического боевика, и снова стало казаться, что всё это какой-то идиотский розыгрыш. Только вот электрошокеры у них были настоящие и мои дети – в заложниках. Я прищурилась, но выдержала её взгляд. А она ухмыльнулась и оскалилась:

– Шутка! Но, если не станете слушать приказов координаторов на задании, так и будет. А сейчас, – и она оглянулась на зал, – два часа работы с инструкторами. Вопросы только по делу!

Я посмотрела на первого и последнего из семи охранников, стоявших за спиной Ламары, и догадалась, что мой, скорее, тот худой, который сопровождал вчера. И взгляд у него был недобрый.

Так и есть: он строго кивнул, призывая подойти. Я двинулась навстречу инструктору, как и все женщины к своим.

– Начнём со скалодрома. Время для всех тридцать секунд, – громко произнесла Ламара. – Обойдёте соперниц, получите бонус. Так будет интереснее...

«Что это ещё за пыточные соревнования?!» – похолодело в затылке.

– За мной, Седьмая! – отвернулся мой инструктор, и пришлось идти следом.

Самая дальняя стена, у которой нас выстроили на расстоянии метра, кажется, уходила в бесконечный потолок. Такую

высоту за тридцать секунд не преодолеть. И мне без тренировки уж точно.

– А как же страховка? – испуганно спросила Вторая.

– Время! – гаркнула главная, и все инструкторы подняли секундомеры.

И я осознала, что спорить или что-либо просить бесполезно.

– Начали!

Все пленницы бросились к стене и стали карабкаться вверх по уступам. Я вцепилась в первые уступы, но тут же соскользнула, потому что пальцы уже были влажные. Торопливо поставив ногу на ближайший камешек, крепко сжала пальцы на другом. Подтянувшись, поняла, что и метра не осилю: внутри бесновались злость и отчаяние: «Зачем всё это?!» Но больше всего давила мысль, что могу не выдержать подобных испытаний: я была слишком слабой физически.

Однако, вопреки внутреннему сопротивлению, пыталась ползти вверх, чтобы не провалить задачу. Вниз старалась не смотреть, но, когда услышала, как кто-то сорвался и с криком полетел вниз, испуганно оглянулась.

Никто не разбился, даже не ударился: на полу откуда-то появились дутые подушки. Кажется, это были Первая – самая грузная и Пятая. Третья – бегунья и Четвёртая – похоже, гимнастка, лихо вскарабкались выше всех остальных. Вторая их догоняла. Переведя дыхание, я потянулась дальше. Но, не успев встать на новую ступень, ощутила крепкий хват

на щиколотке, а потом резкий рывок... И не смогла даже ахнуть, скованная страхом, сорвалась...

За несколько миллисекунд передо мной промелькнули лица малышей и вся моя крохотная никому не нужная жизнь. А с приземлением в подушку, я испуганно распахнула глаза и уставилась на перекошенное недовольством лицо персонального надсмотрщика.

– Встать!

Выпутавшись из подушки и встав на ноги, я затравленно огляделась, пытаюсь понять, кто мог дёрнуть меня за ногу. И заметила такой же ищущий взгляд Первой и Пятой. Пятая, несмотря на мягкое приземление, видимо, растянула руку – морщась, разминала запястье.

– За мной! – приказал инструктор.

Дальше был бассейн, где, не раздеваясь, мы должны были проплыть метров двадцать и по сетке, опущенной в воду, забраться на помост под потолком.

Плавала я не очень хорошо, но на адреналине быстро проплыла до половины. Однако замедлила, вдруг увидев, как Найти, почти доплыв до сетки, ушла под воду, потому что кто-то из женщин буквально прижал её за плечи и не дал всплыть.

Сердце забилося неровно. Я даже забарахтала руками к борту, инстинктивно понимая, что происходит то, что не могу контролировать.

– Что застыла?! Вперёд! – крикнул мой надсмотрщик.

Сдрогнувшись и несмело продолжив плыть, увидела, как вынырнула Первая и вслед за остальными полезла вверх. По краю борта доплыв до сетки, быстро сжала и разжала пальцы, тряхнула головой и ухватилась за верёвки-перекладины. Только с виду казалось, что это будет легко. Но силы в руках не хватало, как и дыхания после плавания и пульсирующей в груди тревоги. Если бы я не занималась йогой в песках, то вряд ли, вообще, смогла добраться и до половины: сетка раскачивалась и прогибалась, трудно было держать баланс, но легче, чем карабкаться по стене.

И тут в ухе раздался голос координатора:

– Пятая не должна достигнуть помоста!

Я замерла, прижавшись грудью к сетке, и мельком посмотрела вправо. В метре от меня Пятая переводила дыхание, опёршись лбом в плечо, и, тряся ушибленной рукой, шёпотом проклинала всех на свете.

«И что я должна сделать?!» – недоумённо нахмурилась я.

– Выполняй, Седьмая! – будто током ударил приказ координатора.

Я вздрогнула, нерешительно переступила несколько клеток и ухватила женщину за больную руку. Та испуганно вскинула голову и выстрелила в меня острым взглядом. С сожалением я прошептала:

– Останься на месте. Не ползи вверх...

Но та ещё крепче ухватилась за сетку и подтянулась.

Я дёрнула её вниз за штанину. Но получилось слишком

резко, потому что не смогла удержаться на одной руке и едва не повисла на штанах женщины.

И вдруг Пятая быстро оглянулась, хищно прищурилась, ловко спрыгнула на пару клеток в мою сторону, вывернулась и крепко обхватила меня за шею, повиснув за спиной. Никаких сил не хватило, чтобы удержаться, и я полетела вниз вместе с нею.

Упав в воду, она тут же расцепила руки, оттолкнулась ногами о мою спину и всплыла. Я поднялась следом, отплевалась и панически загребла к борту, чтобы женщина не накинулась снова и не утопила в отместку.

У борта оглянулась и никого за собой не обнаружила, лишь злые глаза над водой у противоположной стороны, но они смотрели не на меня, а на инструкторов у бассейна.

– Седьмая, вылезай! – крикнул мой.

На дрожащих руках я выбралась из воды и обтёрла лицо ладонями, убирая прилипшие прядки выбившихся из хвоста волос. А когда оглянулась на помост под потолком, где стояли Первая, Третья и Четвёртая, то заметила, как последняя спихнула ногой руки Шестой, которая уже почти добралась, но рухнула в воду с высоты почти трёхэтажного дома.

Увидев это, поняла, что нас не только так извращённо испытывают, но и натравливают друг на друга.

«Но зачем? Что такого мы должны сделать для них, что проходим через адовы круги?»

Убедиться, что Шестая жива, мне не дали, заставив идти

следом.

Потом была странная беговая дорожка, в движущемся полотне которой нога то утопала, проваливаясь в неожиданно возникающие углубления, то оказывалась на ребре. Держаться было не за что, и всё время приходилось лавировать, чтобы не расшибить лоб или не вывернуть лодыжки. А в лицо дул мощный поток горячего воздуха, от которого быстро высохла одежда, но дышать было нечем, как и трудно смотреть под ноги. Несколько раз я падала на колени и стонала от боли, но продолжала бежать...

Узкая прозрачная жёрдочка над бассейном, которую с моим прошлым зрением не разглядела бы, но сумела пройти последней...

Лабиринт из труб разного диаметра, из которого без хорошей зрительной памяти не выберешься...

Какой-то интеллектуальный тест, где на бегу, уклоняясь от летящих теннисных мячиков, надо было запомнить всё, что написано на сменяющихся картинках на интерактивном экране, да ещё не угодить в отверстия в полу. Это испытание прошли только мы с Найти. Даже странно: на память не жаловалась, но ловкость и скорость после непривычных нагрузок – удача, да и только.

И наконец, когда на таймере показало пять минут до окончания пыток, я выдохнула с облегчением: «Несколько минут уж я продержусь, не свалиться бы только от усталости».

Но, когда рядом не оказалось никого, кроме инструктора,

а передо мной стоял матовый стеклянный куб размером с небольшую ванную комнату, внутри настороженно замерло. Лицо горело, руки подрагивали, колени и стопы были сбиты и нещадно ныли: хотелось просто упасть и не двигаться.

Глава 7

– Иди сюда, – подозрительно спокойным тоном подозвал инструктор.

Я подошла ближе к кубу. Его стенки неожиданно стали прозрачными, и я увидела внутри кубло кишаших змей. Ноги вросли в пол, а в горле застрял ком.

– Come inside and find the hidden item! – произнёс мужчина, и передо мной открылся узкий низкий проём.

Я с детства говорила на английском, но сейчас после такой сумасшедшей нагрузки и бесконечно тревожных мыслей из головы будто выпала функция перевода, и я не могла понять, что от меня хотят.

– Ты оглохла? – крикнул надсмотрщик.

Эту фразу сумела перевести, но тот смотрел требовательно, нетерпеливо.

– Я не поняла... – смятенно выдохнула.

Но, когда он повторил, осознала, что не слова забыла, а просто не могла поверить в то, что мне приказывали сделать, потому что безумно боялась: он велел войти внутрь куба и найти что-то спрятанное в нём. И это что-то не висело над головой.

Всё тело моментально покрылось испариной. Я всегда панически боялась змей, а видя перед собой замкнутое пространство, кишашее гадами всех размеров и цветов, едва не

описалась. Они шипели и переплетались друг с другом, а мне казалось, что уже обвивают шею, перекрывая кислород. Поплыло не только перед глазами, но и повело в сторону. Упав на попу, я ощутила, как деревенеют ноги, а в груди печёт, оттого что не могу вдохнуть.

– Если немедленно не войдёшь в куб, я лично навещу твою розовощёкую малышку, – оскалился инструктор, склонившись надо мной.

Только представив это уродливое лицо рядом с Соней, его длинные костлявые пальцы, тянущиеся к ней, испуганные глаза ребёнка, я усилием воли сфокусировала зрение, в голове будто включили вентилятор, который пронзительно зазвенел, выветривая тягучую дымку страха. В позвоночнике стрельнуло от напряжения, но я поднялась и вошла в проём.

Змеи зашевелились быстрее. Ноги подкашивались, и ужас сжимал лёгкие. Я обняла себя за локти и старалась сосредоточиться на задаче.

– Они ядовитые? – дрогнул мой голос.

– У тебя минута! – гаркнул надсмотрщик.

«Если я им нужна, то вряд ли они засунули бы меня в куб с ядовитыми змеями... Какой смысл?» – ответила самой себе, но никакие логичные доводы не убеждали.

Я с ужасом сделала шаг, пытаюсь понять, что нужно найти. Мерзкие гады стали оплетать щиколотки, а я со сдавленным писком стряхивать их. Страх потерять равновесие и упасть в живое месиво отвратительных ползучих переворачивал всё

внутри. В животе то холодело, то замирало, то будто вспыхивало огнём.

Понимая, что время идёт, а я ничего не делаю, зажмурилась, глубоко вдохнула. И вдруг поймала ощущение, что пройду это испытание, если просто начну действовать, и приоткрыла глаза.

Я сосредоточилась на дыхании. Шум в голове помогал, отвлекая от зловещего шипения. Картинка вокруг расплылась, смазав извивающихся гадов в серую массу, и оставила узкое окно, через которое я видела направление.

«Лучше бы я вообще не видела... Это что-то явно под ними... А значит, мне надо их только раскидать... Ничего... это просто верёвки...»

Я чувствовала ноги, руки, баланс при наклоне, видела, что беру нечто мерзкое на ощупь и отбрасываю. Но казалось, что эти гады заползли и в брюки, и в топ, и влезли на голову... Брезгливо отмахнувшись от чего-то холодного на шее, поняла, что это всего лишь мои волосы.

До дна куба я добралась быстро. И только отбросив последнюю мелкую тварь, увидела на полу фотокарточку. От изображения на ней резкость зрения вдруг пропала. Я похолодела от ужаса и тряхнула головой. Показалось, или на фото были Соня и Илья? Я потянулась за фотокарточкой, уже различая знакомые родные лица, как вдруг резкая боль в предплечье заставила отдернуть руку. А потом его сдавило так, что на глазах выступили слёзы.

Я выпрямилась и посмотрела на руку. Большая тёмно-зелёная змея, широко раскрыв пасть, вцепилась в предплечье и застыла. От боли и ужаса меня так тряхнуло, что отбросило к проёму, но угодила лбом в стекло, забыв, что тот низкий. Голова закружилась, а может, это уже начинал действовать яд...

Слёзы хлынули ручьём и от слабости, и от обиды, что всё может закончиться для меня так нелепо. Но, услышав чей-то душераздирающий крик, вдруг поняла, что это ещё не конец. Кто-то не выдержал своего испытания, а я ещё была жива.

Застонав, дрожащими пальцами я попыталась расцепить пасть змеи, но та ещё плотнее стиснула челюсть, обвила локоть смертоносным туловищем-жгутом, будто душа добычу, и не уступала. Метнув беспомощный взгляд в сторону инструктора, увидела лишь холодный оскал. И поняла, что никто не поможет, кроме меня самой.

Со сдавленным шипением я огляделась, а потом прогнулась, выбралась в проём и ударила рукой, обвитой змеёй, о ребро куба, но гадина не поддавалась. Паника уже подкатывала к горлу, грозясь перекрыть кислород. Резко коротко вдыхая, я завертелась волчком, взгляд заметался по залу, ища способ спастись. И... кажется, нашёл.

Ноги понесли меня от куба к другому концу зала, и я с разбега прыгнула в бассейн. Обретя равновесие на скользком дне, высоко закинув голову, чтобы дышать, я вытянула руку, обвитую гадиной, перед собой и стала ждать, молясь,

чтобы всё получилось, а змея не оказалась ядовитой. Ведь там, где сходились её челюсти, ужасно пекло, и рука онемела до плеча.

В ушах барабанило, сердце раздирало грудную клетку. За мной никто не побежал, и я продолжала стоять под водой, судорожно отсчитывая секунды. Ещё несколько мгновений, и змея ослабила хватку, а потом и вовсе выпустила мою руку и поплыла прочь. Но то ли от злости, то ли от страха, я закричала во всё горло и схватила гадину за хвост, а потом развернулась и с размаху ударила ту головой о борт. Не знаю, какая уж была анатомия у ползучих, но та обмякла и пошла на дно. Выплеснув в крике боль, ярость, обиду и бессилие, я попятилась и забилась в углу бассейна. Меня трясло так, что зуб на зуб не попадал.

Но, уловив синие цифры таймера в отражении водной глади, я напряжённо вытянулась и взяла себя в руки. Едва выкарабкавшись из воды, уронила лоб на пол и зажмурилась, стараясь восстановить дыхание и удержать рассыпающееся на части нутро. Руки и ноги дрожали, я не могла ни подняться, ни двинуться с места. Но, когда приоткрыла глаза, увидела перед собой ботинки инструктора и подняла голову.

– Хороший результат. Хотя могла справиться быстрее, – снисходительно похвалил тот. – Свободна. У тебя душ и завтрак.

– Чтоб ты сдох! – беззвучно выдохнула я и, на секунду припав щекой к полу, заставила себя подняться.

Рука ещё плохо слушалась. Рана от клыков змеи ныла. Не столько укус был глубоким, сколько болезненным. Прижав ладонь к сочащимся ранкам, я шла к выходу следом за такими же измученными пленницами: кто-то был обожжён, кто-то взъерошен, кто-то хромал и ловил несуществующих бабочек, но все живы.

«Сумасшествие какое-то...» – подумала я, вспоминая, что же напоследок сказала Ламара, но голова будто выключилась.

– Седьмая, следуй по указателям! – снова прозвучал приказ в ухе.

***

Стрелки на полу указывали на правый поворот. Отстав от группы, я свернула и оказалась в том самом коридоре у двери с матовым стеклом. Дверь тут же открылась, и я увидела сидящего на кушетке Макса. Рядом стоял доктор Альбинос.

Его я тоже ярко вспомнила. Он проводил тот самый медосмотр, на который нас послали из бюро. Вот почему меня так тщательно обследовали тогда.

Я переступила порог, морщась от боли во всём теле. Макс сразу поднялся и хмуро посмотрел на мою руку.

– Садись и давай посмотрим твои раны, – спокойно сказал доктор.

Буравя ненавистным взглядом то Макса, то Альбиноса, я села на кушетку и отвела ладонь от предплечья. Доктор осмотрел укусы, приснул что-то на припухшую кожу и нало-

жил широкий белый пластырь.

Всё это время Макс внимательно следил за действиями Альбиноса и молчал. А я гасила бурлящую ярость всеми возможными способами, чтобы не сорваться и не придушить его, вцепившись зубами в горло, как та змея.

– Ничего страшного, – отчитался врач Максу и сразу вышел в другую дверь.

«Да... Ничего страшного, пока я не добралась до тебя...» – мстительно подумала я, переводя дыхание, оттого что боль в руке утихла.

– У тебя неплохо получается справляться с интеллектуальными задачами и некоторыми непредвиденными трудностями, но физически ты слабая, – произнёс Макс, сменив строгий изучающий взгляд на беспокойный, и неожиданно взял меня за плечи и бесцеремонно ощупал. – Нужна тренировка на физическую выдержку. Бег с препятствиями три раза в день и развитие мышц рук...

Я брезгливо отмахнулась от его пальцев, посмотрела в глаза со всем презрением, на которое была способна, и сдавленно прошептала:

– Что же вы за звери такие?! Зачем такие извращённые пытки?

– Мы ищем слабые звенья...

– Натравливая нас друг на друга?

– Вы не друзья и не команда. У каждого будет своя задача.

А все провалы случаются только из-за слабой воли или на-

личия моральных зажимов. С последними у тебя тоже слабовато. Это твоё слабое звено.

– Вы что, делаете из нас киллеров? – фыркнула я.

– Нисколько. Но мы должны быть уверены, что вы сможете защитить себя и то, что добудете для нас любым способом. И здесь моральные принципы только мешают. У нас важная цель. А эти жертвы во благо миллионов людей.

– Террористы и маньяки всегда прикрываются высокими целями! – выплюнула я.

Макс рассмеялся. И от этого моё положение стало казаться не просто безвыходным, а абсолютно определённым: шансов на спасение нет – вокруг сумасшедшие люди.

Я уронила плечи и уткнулась подбородком в грудь. Закрыв глаза, подышала несколько секунд, собираясь с мыслями, а потом посмотрела на мучителя исподлобья и выдохнула:

– Я здесь умру?

– Ну что ты? Смотри на всё оптимистичнее, – снисходительно улыбнулся тот. – Мы не убиваем без необходимости. Не доставляй нам хлопот, выложись по полной, и ты получишь то, чего так сильно желаешь.

– Трудно сохранять оптимизм там, где тебя хотят уничтожить. И ещё труднее, когда уничтожить хочешь ты, – подняла голову и вперилась в Макса решительным взглядом. Кажется, я уже готова была убивать только за то, что кто-то стоял на пути к свободе.

– Тебя никто не хочет убить. Ты здесь, потому что нужна, – склонился Макс, и на секунду показалось, что в его глазах мелькнуло нечто тоскливое. Как тогда, в ресторане, когда он «умирал» на моих коленях...

– Для чего? – отклонилась в сторону, ощутив его дыхание на коже. – Хватит говорить загадками...

– Об этом ты тоже скоро узнаешь. Если не будешь бунтовать, я стану оказывать тебе поддержку. В конце концов, ты здесь, чтобы помочь нам...

– Искалеченная?! – и ткнула ему в лицо рукой в пластыре. Но он сочувственно улыбнулся, поставил ладони на край кушетки по обе стороны от меня и неожиданно поцеловал в локоть.

Я брезгливо поморщилась и, как бы ни болели мышцы, прогнулась под его рукой и спрыгнула с кушетки.

– Не преувеличивай, – тихо засмеялся он и оглянулся. А потом достал из кармана какие-то белые капсулы и протянул мне. – Это бонус за единственное испытание, которое ты прошла.

Я скептически глянула на его раскрытую ладонь.

– И что это?

– Обезболивающее.

Я сделала шаг навстречу и, сдерживаясь из последних сил, процедила:

– Скажи, сколько это продлится?

Макс замер на мне задумчивым взглядом, а потом отошёл

за спину и распахнул дверь.

– От тебя неприятно пахнет. Иди в душ, и на завтрак. Ещё увидимся.

– Садист хренов! – прошипела я и, проходя мимо него, ударила по протянутой ладони так, что капсулы отлетели в стену.

Глава 8

Я так вымоталась, что под холодными струями воды почти ничего не чувствовала. К концу семи минут, выделенных на процедуру, еле смыла гель с тела одной рукой, чтобы не намочить раненую, на мытьё головы ни времени, ни сил уже не осталось.

«Может, и нужно было взять те таблетки... Даже если это наркотики... Хочется просто умереть...» – отчаянно думала, кое-как обтираясь полотенцем.

В одноразовых пижамах мы прошли в стерильный и всё же тюремный барак. В шкафу ожидала свежая одежда, идентичная предыдущей.

Все были разбиты, и никто не смотрел друг другу в глаза. Никто и словом не обмолвился до самой столовой. И нас действительно больше никто не сопровождал.

Мы молча расселись на негласно закреплённые места. Еды было уже не так много. Перед каждым стоял порционный поднос с дымящейся кашей, напоминающей клейстер с комочками, кусочек хлеба с маслом, какие-то орехи и напиток. Снова загорелся таймер.

– Неужели опять голодовка? – проговорила Первая, перебивая кашу ложкой и шумно вздыхая. – Жрать охота, аж живот скручивает... А каши я ненавижу!

– А я после этих червей... есть не могу, – скривилась Вто-

рая и отодвинула поднос. – До сих пор во рту этот мерзкий привкус...

«Её заставляли есть червей?!» – округлила глаза я, но положила в рот орехи и стала жевать, чтобы хоть как-то отвлечься. Был только завтрак, а казалось, прошла целая жизнь с того момента, как я проснулась сегодня.

На стене-экране включили вестерн с Клином Иствудом.

«Издевательство какое-то!» – вздохнула я и положила в рот ложку каши. Но снова не почувствовала вкуса еды. Поморщилась. Не могла принять её, будто не заслуживала. Я здесь. Мои дети где-то там. Погиб Арес... Мелькали голодные лица парней...

«Что будет, когда вернусь? Что скажу людям, которые спросят о них? – задумалась я и тут же горько усмехнулась: – А вернусь ли?... – поморщилась и выплюнула кашу на поднос. – Нет! Всё не так! Всё враньё! И это тоже... Я скоро проснусь...» – закрыв глаза, старалась дышать ровно, а сердце болезненно трепыхалось, заставляя кровь бушевать.

Я поставила локти на стол и, закрыв уши ладонями, пыталась собраться с духом, чтобы не разреветься. Несколько минут тишины, и вдруг пронзительный голос Ламары прогремел:

– Дополнительные тридцать минут отдыха тому, кто скажет, сколько выстрелов сделал главный герой в последней сцене?

Я вскинула голову, растерянно посмотрела на экран, где

появилась Ламара, а затем на лица сидящих. Не все сразу включились в смысл происходящего и недоумённо переглядывались.

– Э-э... шесть! – выкрикнула Четвёртая.

– Тридцать минут твои после завтрака, – строго прищурилась Ламара, и её лицо рассыпалось пикселями по экрану.

Я даже не поняла, что это было. Другие возмущённо зашептались.

Азиатка довольно села и быстро доела всё, что было на подносе.

Как только время вышло, все стали подниматься и выстраиваться у выхода с тревожным ожиданием в глазах. Никто не знал, что нас ждёт дальше.

– Убрать за всеми со стола и догнать группу! – раздался приказ моего координатора.

Все двинулись к выходу, а я осталась стоять у стола.

Шестая оглянулась, не понимая, почему я не иду, и тревожно кивнула, чтобы следовала за ней. Но я тут же вернулась к столу, собрала все подносы, одноразовые приборы и выбросила их в мусорный карман в стене. Стереть крошки со стола было нечем, но я аккуратно собрала их ладонью и высыпала в тот же карман. Оглядевшись, всё ли убрала, была прикована к полу голосом в передатчике:

– Следующий раз, когда Сейнара прикажет кого-то скинуть с дистанции, делай это не раздумывая и без разговоров.

На сей раз это был голос Макса.

– Откуда мне знать, как именно выполнять эти издевательские указания? – процедила я, выпрямляясь и оглядывая потолок в поиске видеокамер. Но тщетно.

– Общение между вами было запрещено...

– Я не знаю, что именно запрещено, а что нет!

– Всё, что не запрещено до нового указания, разрешено.

И наоборот. Для этого нужно только внимательно слушать и запоминать. Это последнее предупреждение.

– И ты запомни: если с моими детьми что-то случится, я тебя на куски порву! – прошипела я.

– Охотно верю, – хрипло рассмеялся тот. – Догоняй группу, строптивая девица! – и затих.

«Извращенец!» – уже выбегая из столовой, с ненавистью представила, как душу Макса.

В какую сторону ушла группа, не знала. Но, не теряя времени, бросилась к лифту и не ошиблась. Едва протиснувшись в закрывающуюся дверь и, тяжело дыша, посмотрела в лица пленникам.

«Похоже, теперь мы и сортир будем чистить», – проворчала мысленно на вопросительный взгляд Найти и других, а потом отошла, чтобы выпустить всех и встать седьмой.

Нас направили в новое помещение, оказавшимся чем-то вроде зала для отдыха: гостиная с диванами, креслами-качалками и обычными пуфами, стеллажами с книгами и большой стеной-окном, за которым был лесной пейзаж. Но это было не натуральное окно, а интерактивная картинка.

Я окончательно убедилась, что все помещения в Скале похожи: светло-пепельные литые стены из какого-то неизвестного материала, целиком светящийся мягким светом потолок и полуматовый бежевый пол.

Всё было чистое, практически стерильное, не похоже на то, что здесь происходило что-то страшное, но всё равно это – тюрьма.

Тело ломило от усталости, но слабость как рукой сняло, когда вдруг на той самой стене, ставшей большим экраном, разделившись на семь секторов, в последнем увидела Соню и Илью, играющих в песочнице с той же женщиной, что и вчера.

– Соня! Илья! – вскрикнула на выдохе и осеклась, потому что в центре экрана появилась Ламара и бросила на меня угрожающе-недовольный взгляд.

Я судорожно закрыла рот ладонями и не мигая смотрела на неё. Остальные женщины, вероятно, тоже разглядели родных: помещение заполнил тревожный ропот.

– Ну а сейчас, чтобы вы кое-что усвоили, внимание на экран, – с подозрительной мягкостью произнесла Ламара и ехидно прищурилась. – Смотрите внимательно, и ни звука!

На весь экран появилось видеоизображение темнокожего мужчины, ведущего через дорогу девочку лет трёх. Я его не знала, а местность напоминала маленький городок в Европе. Внезапно раздался скрежет тормозов, а кто-то в помещении вскрикнул.

Я увидела, как Найти потянулась к экрану и замотала головой в душераздирающем крике:

– Нет, нет! За что?!

Мужчину сбил автомобиль, и тот откатился к краю дороги и не шевелился. Испуганную малышку кто-то подхватил на руки и держал лицом к упавшему мужчине.

Найти упала на колени и, зажав ладонями рот, залилась слезами, не сводя глаз с экрана.

– За что?! За что-о...

Всё внутри оборвалось. Я прижала ладони к животу и упёрлась спиной в стену, чтобы самой устоять на ногах.

– Общение между собой вне общей задачи запрещено! – прозвучал жестокий голос Ламары.

И на экране показали наше спальное помещение, где все мы лежали в кроватях, а Найти говорила о своей команде, о прошлом. Это было вчера.

Комната наполнилась сдавленными стонами остальных.

– Сегодня Третья не выполнила приказ инструктора и координатора дважды. А три нарушения – это наказание! Никто не будет стоять над вами с электрошокером: ваш прокол – и страдать будут ваши близкие...

Все голоса стихли. В зале настала вязкая тишина. Свет будто померк, оставив единственное высвеченное пятно на стене – лицо несчастной темнокожей малышки, непонимающе глядящей на лежащего в стороне мужчину.

– Daddy⁷... – послышался её тонкий голосок.

Слёзы навернулись на глаза. Ощущение, что я проваливаюсь в какую-то яму, гложу и слепну, испугало до ужаса. Корни волос будто воспламенились. Стало душно, как тогда в катакомбах над пропастью, и дышать уже не получалось.

«О Боже, только не моих... Дай мне сил это пережить!»

Щёки щипало от слёз, но мне не хватало сил поднять руки и смахнуть разъедающую влагу с кожи. Грудь мучительно медленно стягивало жгучими тисками, выдавливая остатки воздуха.

«Господи, я тоже что-то нарушила?! Пожалуйста, скажи: «Нет»! Я сделаю всё, что угодно, только не трогай их... Не дай им забрать моих малышей!»

Когда кислорода стало не хватать, я попыталась вдохнуть, но не получилось, словно тело перестало получать сигналы от мозга и больше не подчинялось. Страх обрёл совершенно конкретные очертания: теперь я точно знала, что может произойти с моими малышами.

– Так будет с каждым, кто слушается. Полагаю, больше вам не захочется наблюдать такое? – прозвучал предупреждающий голос Ламары, и я почувствовала, что тиски разжимаются.

«Господи, спасибо! Спасибо! Спасибо!» – закричало внутри, а взгляд заметался по комнате.

На лицах каждой отражались ужас и бессилие. Они даже

---

⁷ Daddy – папочка (англ.).

боялись смотреть друг на друга.

– Это первое и единственное предупреждение! – продолжил бессердечный голос. – Пятая и Шестая, вы тоже открыли счёт. Ещё два нарушения, и видео на экране будет менее гуманным!

Головы обеих пленниц втянулись в плечи. Стало ещё тише.

А мужчина на экране оказался жив. Ему помогли подняться, но он был сильно ранен, возможно, сломаны рёбра.

Найти резко вдохнула от облегчения, но тут же согнулась к полу, и её стошнило.

– Почему я не могу просто умереть? – бессильно опустив голову, еле слышно проговорила она. – Я одна, и никто больше...

– Это слишком лёгкий выход! – хмыкнула Ламара и грозно вскинула брови. – Убери за собой!

Третья стала растерянно оглядываться: послушаться не могла, но и не знала, как выполнить приказ.

– Ну! Действуй!

– Чем? – прохрипела она.

– У тебя есть мозги – найди, чем!

Тогда Найти, собирая остатки сил, поднялась с колен, огляделась и не найдя ничего, сняла с себя топ и стала собирать жижу с пола.

Я сглотнула ком в горле: это было унижительно и страшно одновременно.

– Держите себя в руках, если не хотите повторить это, – подливала масла в огонь Ламара. – А теперь... отдохайте, дамы. У вас час отдыха, чтобы настроиться на дальнейшую работу. Общение разрешено на любую тему, кроме обсуждения испытаний и инструкций координаторов. Разрешено выходить в туалет.

И лицо женщины растворилось в картинке ледяных гор за окном.

Но никто и словом не обмолвился. Все разошлись по углам, кто-то забился в кресло, кто-то сел на диван и превратился в неподвижную статую. Я же заставила себя отвернуться к книжным полкам и взять книгу.

Строчки расплывались, да и не собиралась читать, но внутри что-то тикало, будто бомба замедленного действия. Мысли об Илье и Соне не давали сосредоточиться и натягивали нервы. Мне нужно было чем-то занять голову, чтобы не сойти с ума. Я оглянулась и увидела, что полуобнажённая Найти так и стоит в полном оцепенении с грязным топом в руке и глотает слёзы.

«Можно выходить в туалет», – вспомнила я и подошла к Третьей.

Та не реагировала. Тогда я взяла её за локоть и потянула за собой.

Передвижение по коридорам не было ограничено. Взгляд выхватил открытую дверь лифта, но я обречённо уронила плечи, ведь бежать некуда: вокруг смертоносные ледяные

стены неизвестной протяжённости, всё равно что мёртвые пески. Как я могла очутиться здесь и кто эти люди, вроде бы обычные, но обладающие неизвестными технологиями, непомерной извращённой властью, до сих пор не укладывалось в голове.

Душевую нашла без труда. Она тоже была открыта.

Подведя Найти к раковине, я еле вытянула из её рук топ и бросила в соседнюю.

– Умойся, – тронула за плечо.

Её взгляд стал осмысленным, и она сразу припала ртом к крану. Выполоскала рот, умылась. И замерла, упёршись руками о раковину.

– Это твой муж и ребёнок? – тихо спросила я.

Найти смогла только кивнуть и тут же зарыдала.

Я уловила движение над проходом и поняла, что это сработал таймер.

– У нас ещё полторы минуты. Приводи себя в порядок и держись. Не раскисай! – ободрила я, хотя у самой поджилки тряслись, хотелось крушить и убивать. Но глубоко внутри понимала, что это отчаяние, что у меня нет ни единого шанса помочь себе, если только не следовать извращённым правилам похитителей.

Я взяла топ Третьей и стала выстирывать его.

– Я не справлюсь, – всхлипнула Найти. Её губы дрожали, а изо рта тянулась слюна.

– Справишься, если сюда добралась. Нужно только потер-

петь и быть внимательной. Не болтай и выполняй всё, что требуют, – я говорила так уверенно, будто сама могла легко следовать этому.

Найти надела мокрый топ и вытерла лицо полотенцем. Я тоже умылась и мельком посмотрела на своё отражение. Это была не я, а совсем другой человек: растерянный, напуганный и бессильный.

Всё было: и голод, и невыносимая жара, и смерти, но так, как сейчас, не боялась никогда, потому что хоть что-то могла контролировать. А теперь от меня ничего не зависело: я не могла отвечать за свой организм, за свои силы, разум и за то, как поступят другие... Ужас охватывал колючими мурашками от корней волос до кончиков пальцев. Теперь всё становилось непредсказуемым и до отчаяния безнадежным. Жизнь в джунглях и в Мёртвом городе сейчас казались безобидным приключением по сравнению с тем, что ждало впереди.

– Я тоже справлюсь! – напряжённо проговорила и потянула Найти за собой, потому что время выходило.

Мы вернулись в зал отдыха и вместе сели на дальний диван. Так и промолчали оставшееся время, тревожно поглядывая друг на друга и на таймер.

Мучительное ожидание прервал голос Ламары:

– Всем пройти в тренировочный зал!

И лишь Четвёртая осталась сидеть в кресле и читать с таким видом, будто ничто её не брало.

Глава 9

Мы вновь оказались в пыточном зале, иначе я его назвать не могла, но в нём всё изменилось: появились закрытые высокие помещения, перегородки, громадные углубления в полу, новые снаряды, подвесные мосты и много всего пугающего. Я понимала, что это будет нешуточная борьба на выживание. И я в ней слабое звено.

Ламара смотрела на нас с издевательским превосходством и выдерживала паузу, нагнетая и без того напряжённую атмосферу.

– Чтобы повысить вашу эффективность, за каждое удачно пройденное испытание вы получите бонус, который назначит личный куратор, – объявила главная. – А за каждый проигрыш...

И я болезненно сглотнула, догадываясь, что теперь мои слабости – это прямая угроза родным. Петлю всё сильнее затягивали.

– ...вы будете лишаться некоторых привилегий, – закончила фразу она.

Я смешалась, но выдохнула с облегчением: лишение – уже не наказание. Однако и радоваться было нечему: если окажусь самой слабой, меня вышвырнут в джунгли, откуда нет выхода. Я с содроганием вспомнила вид с обрыва.

«Придётся вывернуться наизнанку!» – настраивала я се-

бя.

Но на то, что началось потом, нельзя было настроиться, потому что я не понимала, как можно заставить неподготовленный организм преодолеть такое...

Нас завели в большое квадратное помещение. Каждой инструктор вручил по тяжёлому удлинённому пистолету, такому тяжёлому, что едва ли можно было продержат его на весу и несколько секунд, поэтому на руку надели фиксирующий корсет. А затем нам на лицо надели маски, через которые воздух поступал очень туго. Говорить мы не могли, маски полностью закрывали нос и рот, а что делать, не сказали. Но, когда выключили свет, я буквально ослепла бы, если бы не наша флуоресцирующая одежда и красные маячки на пистолетах. Мы, как привидения, без голов и частей тел замерли на месте.

А потом внезапно со всех сторон к нам помчались какие-то мужчины в светящихся майках и брюках, и тоже с оружием. Их голов и тел не было видно, но двигались они явно профессионально. На затылке волосы встали дыбом.

Я невольно вытянула руку и направила пистолет на стремительно приближающуюся фигуру. Его красный маячок был поднят – в меня собирались стрелять. Инстинктивно нажав на курок, заметила красный пучок света, выпущенный из дула, а потом мужчина просто упал, схватившись за грудь. Я испуганно попятилась и прижалась к стене.

«Я его убила?! А кто он такой?» – замелькали панические

мысли.

Но мужчина поднялся. На майке никаких тёмных пятен, значит, я не ранила его. Однако он с трудом разогнулся, видимо, боль от выстрела была ощутимой, и снова направил на меня пистолет. А потом все начали стрелять, было уже не до угрызений совести. Кто-то из женщин упал на колени, а следом и сама ощутила, как обожгло бок. Коснувшись обнажённой кожи, почувствовала, как печёт аж до нутра, но крови не было. Приглядевшись, поняла, что затаиться в уголке не получится, потому что как только кто-то из группы останавливался, то его подбивали. А это было безумно больно!

Пришлось играть по навязанным правилам: уворачиваться от выстрелов и сбивать нападающих самой. Двигаться быстро не получалось, я практически задыхалась, да и после утренних издевательств тело не слушалось, и всё чаще пропускала удары. А мужчины всё нагоняли и нагоняли, но не касались нас, будто были за невидимой стеной.

Спустя несколько минут возникло ощущение, что у каждого была своя цель. Для меня же они все на одно телосложение, и трудно было понять, от кого убегать. Я стреляла по всем, однако, попадая в своего противника, убеждалась, что тот чувствует боль.

Беготня по замкнутому пространству продолжалась недолго, но была такой выматывающей, что некоторые потеряли сознание. Я чувствовала, что ещё немного и сама сваюсь, кислорода не хватало, в лёгких накопился углекислый

газ и распирал грудь, от тяжести пистолета не чувствовала руки, раны от укуса пульсировали, мышцы бёдер стягивало от боли, а в мыслях лишь одно: «Будьте вы прокляты!»

И в тот момент, когда я упала на одно колено и выбросила ладонь навстречу надвигающемуся размытому пятну, потому что перед глазами уже замельтешили звёздочки, а сил стрелять больше не было, раздался сигнал, и вспыхнул свет.

К нам, беспомощно валяющимся на полу, подошли, сняли маски и выволокли из помещения, кого за руку, кого за ногу, как скот на заклание. Единственное, что успела заметить, что никого, кроме знакомых пленниц, внутри помещения не было.

«Может, это галлюцинации?» – проплыло в мутном сознании.

Но, когда нечто обжигающе ледяное коснулось обнажённых плеч и поясницы, я тут же подобралась, вскочила на ноги и обнаружила, что вся группа лежит на снегу. Кто-то ещё даже не пришёл в себя. Вокруг горы, чистое небо и слепящее солнце. Я выдохнула, а при вдохе чуть не задохнулась морозным воздухом. Прищурив глаза, оглянулась, но вокруг было пусто, словно теперь мы все находились в снежной пустыне.

– Возвращайтесь в Скалу! Заодно подышите свежим воздухом, – раздался насмехающийся голос Ламары.

Обняв себя за плечи, щурясь от болезненно яркого света и вдыхая осторожно, чтобы не обжечь носоглотку ледяным воздухом, я повертелась на месте и замерла взглядом на

Найти.

– Бежим, иначе замёрзнем! – крикнула та, схватила меня за руку и побежала, куда глаза глядят.

«Господи, куда мы бежим?! Мы же замёрзнем на хрен! Всё, это конец!!!»

Я едва успевала перебирать ногами, скользя, вытирая слезящиеся глаза и прикрывая рот и нос ладонью. Но бежать было некуда: всюду ровная пустошь и горы по кругу. И всё же мы бежали без остановки, задыхаясь и кашляя, сгибаясь от коликов в боку, оглядываясь, спотыкаясь, поднимаясь и снова устремляясь вперёд...

И вдруг Найти отбросило назад, а за ней и меня. Мы упали и откатились по снегу. Я вскочила, отряхиваясь от ледяных комьев, и уставилась на Третью. Её шатало, но она поднялась и, пьяно глядя перед собой, зашарила ладонями по чему-то невидимому впереди.

Неожиданно картинка перед нами мигнула, а потом просто разошлась, как створки с голограммой. Мы с Найти изумлённо переглянулись и одновременно переступили порог в помещение зала. Когда оглянулась, осознала, что снежная пустошь была не чем иным, как искусственно созданной атмосферой внутри замкнутого пространства. Но холод и снег были настоящими. Однако, будучи в шоке, я даже не успела замёрзнуть, или понять это, а судорожно ошупав и осмотрев себя, поняла, что и ожогов нет, как и явных обморожений.

Меня затрясло, но, сжав губы, я молчала, не выдавая и толики кипящей ярости. Найти едва ли не рыдала, прикрывая рот ладонью, чтобы не сорваться. А инструкторы стояли в стороне и что-то обсуждали с главной, снисходительно поглядывая на нас.

Вскоре появились и другие пленницы, шокированные не меньше нас с Третьей. В зал пришла и Четвёртая.

– Отдохнула? – обманчиво мягко спросила Ламара.

Четвёртая, как и я, явно почувствовала подвох и настороженно кивнула.

– После того, как закончишь испытания вместе с группой, пройдёшь предыдущие задания с удвоенной нагрузкой. Нужно платить за отдых, верно? – издевательски улыбнулась главная и мотнула головой в сторону её инструктора.

– Но вы дали мне бонус?.. – едва не задохнулась от возмущения та.

– Ты могла им не воспользоваться, – безапелляционно ответила Ламара. – Дополнительное время отдыха не освобождает от выполнения программы испытаний.

Азиатка сжала губы до прямой черты, а глаза стали ещё уже, чем были, но промолчала и покорно кивнула.

Нам не дали продыху, а сразу отправили на семь подвесных перемежающихся друг с другом мостов под потолком, а под ними – нечто, клубящееся белым. Отдала бы руку на отсечение, что никому не хотелось узнать, что там внизу. Поэтому каждая из нас, срываясь и скользя на неустойчивых,

как нарочно, политых чем-то маслянистым жёрдочках, упрямо преодолевала свой путь. Это был какой-то бесконечный извращённый квест Индианы Джонса.

Дистанцию от одного конца моста до другого я преодолела последней, неистово концентрируюсь на равновесии и на конечной цели.

По дороге в столовую было ещё несколько внезапных вопросов на внимание, но я не ответила ни на один, потому что была выжата как лимон, а голову хотелось держать руками, чтобы та не слетела с плеч от водоворота тяжёлых обрывочных мыслей.

На обед был только апельсиновый сок. У Пятой и Шестой – ещё и булочки. У Первой и Второй – салаты. У Найти – пустая вода.

– Ты лишена обеда, – сообщила координатор. – Но твой общий результат лучше, чем у Третьей. Поздравляю!

«А тебе я повыдергаю волосы! И ногти... по одному...» – сжала челюсти я и уронила голову на сложенные на столе локти.

Я бы и от сока отказалась, но понимала, что могу остаться и без ужина, поэтому через силу осушила стакан и вышла за группой. На сей раз убирать посуду осталась Третья.

Нам вновь был предоставлен час отдыха в зале, который больше ассоциировался с комнатой наказаний. С тревожным ожиданием посмотрела на стену-экран, но там ничего, только снежные горы. Думать о страшном уже не могла, закры-

лась от всего и отключилась в дальнем кресле.

Потом всех снова вернули в тренировочный зал. Теперь нас испытали в метании колец, дротиков, металлических предметов с разной тяжестью и балансировкой. Проход по лабиринту сопровождался прыжками через острые колья и лазом в узкие проёмы у пола с уклоном от их зазубренных краёв, торчащих острых крючков, обмазанных жирным липким веществом. В воспалённом мозгу не возникало ни одной догадки, что нам предстоит сделать для жестоких захватчиков, если нас так испытывали и тренировали. И всё это сопровождалось неожиданными, совершенно нелепыми вопросами координатора: сколько попаданий в цель было у той или иной пленницы; за сколько минут преодолела лабиринт, когда таймера даже не было видно; в какой стороне размещался тот или иной предмет, какого он был цвета, размера, веса и прочее. И всякий раз охватывал ступор. Мозг не справлялся с обилием иррациональных задач. А координатор сообщала, что задача не пройдена. И от этого становилось всё страшнее.

А потом нас просто заперли в узком туннеле, где мы могли поместиться только стоя, плотно прижавшись друг другу, дыша соседке в затылок. Было темно, душно, и полная тишина, словно в вакууме.

Темнота давила. По груди и спине пот тёк ручьями. Сердце отбивало чечётку. Кто-то не сдержался и зарыдал, кто-то причитал, тяжело дышал или фыркал. У Шестой, наверное,

была клаустрофобия, и её било крупной дрожью.

«Это всего лишь темнота, – уговаривала я себя, чувствуя, что изнемогаю от смеси паники и безумного физического дискомфорта. – Столько всего случилось за один только день... А это всего лишь темнота. Рядом люди, больше никого... Я не могу позволить страху сломать меня. Я это переживу...»

В какой-то момент я закрыла глаза, сосредоточившись на дыхании, как учили тренеры йоги, это, наверное, и спасло.

Не знаю, сколько прошло времени: несколько часов или дней, потому что я будто выпала из реальности, погрузившись глубоко в себя. Вдруг стены отошли в сторону, и мы вывалились наружу. И без того сбитые колени запекло. От обилия света, воздуха и прохлады закружилась голова. Но я быстро встала на четвереньки и проползла к стене, чтобы немного прийти в себя.

* * *

К ужину я чувствовала себя такой развалиной, что чуть не уснула над тарелкой с фасолью, пока за плечо не тряхнула Найти. Я взглянула на таймер – время вышло. Залпом выпила какой-то белый напиток, толком не разобрав вкуса, и поспешила в конец строя.

Вода в душе оказалась неожиданно горячей, даже и руку нельзя было подставить. Все смотрели на свои кабинки

и перетаптывались от недоумения. А вымыться очень хотелось, потому что после всех испытаний тело было липким и чесалось. Я первой взяла полотенце, смочила его, несколько раз встряхнула, чтобы остудить и стала обтираться у зеркала. На боках уже проступали синяки. Плечи были в царапинах, сбитые колени саднили. Предплечье опухло сильнее и ныло: всё-таки какую-то заразу змея занесла. Я с тяжёлым унынием представляла, что это только цветочки, потому что завтра буду чувствовать себя ещё хуже.

Вслед за строем я вышла из душевой. Говорить вроде было разрешено, хотя все инструкции смешались в усталом мозгу, но спутницы по несчастью только кряхтели. Все были подавлены и разбиты. Первая и Вторая в виде бонуса получили обезболивающее и были самыми спокойными.

«Сейчас не отказалась бы от твоего грёбаного предложения», – вспомнила о Максе и его капсулах.

Не успели мы пройти и десяти шагов, как свет погас. Стало абсолютно темно. И я замерла в ступоре. По позвоночнику тут же побежали острые мурашки. Я вжала голову в плечи и, зрительно помня, куда двигалась, вытянула руки и сделала первый шаг на ощупь. И тут же испуганно дёрнулась, оттого что что-то странное светящееся окутало меня. Но, придя в себя, отдышавшись и приглядевшись, поняла, что одно-разовая пижама тоже флуоресцировала в темноте. Однако странно показалось и то, что рядом больше никого. А ведь только что все были здесь.

«Такая пижама только у меня?!» – предположила я, озираясь.

Шагнув вправо к стене, перебирая по ней ладонью, двинулась в сторону спальни, но наткнулась на что-то неподвижное. Это сразу дезориентировало, потому что прекрасно помнила, что на пути ещё несколько мгновений назад не было стен. Мозг не понимал, что происходит. Но это была стена, на ощупь стеклянная. Я испуганно оттолкнулась от неё и шагнула влево, но тут же наткнулась на другую, будто за секунды вокруг выстроился целый лабиринт.

Сознание поглотила паника, а темнота усиливала её. Но ещё больше напугала оглушающая тишина. Вернее, я не слышала ничего, даже собственного дыхания. Будто чувства отключили. Как бы ни напрягала глаза, присматриваясь, но не вылавливала ни единого проблеска или контура – крошечная тьма, и лишь моя одежда.

Стоять на месте было страшно. Почему-то показалось, что под ногами что-то неровное, живое... и шевелится. Сразу возникло ощущение, что я в кубе со змеями, который неизвестно, как здесь очутился. Задрожав, я двинулась на ощупь, только бы убежать подальше, ведь змеи не двигаются так быстро?

Впереди не было препятствия. И вдруг нечто мощное обвило талию и потянуло в сторону. Я закричала, но не услышала ни звука, только засадило в горле. От испуга, рассыпавшегося по телу сотнями искр, я споткнулась и, выбросив

руки вперёд, уткнулась ладонями в стену. Но меня тут же прижало к ней щекой. И я осознала, что это нечто – чья-то сильная рука.

Этот кто-то был высоким и явно шире меня. Оцепенев, я стала давиться собственным сбивчивым дыханием. Тогда закрыла глаза и очень медленно выдохнула горячий воздух из лёгких. За спиной, несомненно, был мужчина. В сознании пронёсся рой тревожных мыслей: «Кто это? Охранник? Что, если это новое испытание, и что мне делать? Отбиваться? Что он собирается сделать?»

Он тоже тяжело дышал: ощущала спиной, как высоко и часто вздымается его грудь.

«Почему он медлит?» – пришла последняя мысль, когда поняла, что мне не пытаются причинить боль, но всё ещё удерживают. Я открыла глаза, хотя смысла в этом не было: вокруг черным-черно. Шевельнула головой, отстраняясь от стены, подавая знак, что не намерена сопротивляться, но хочу освободиться. Однако он только передвинул руки мне на плечи и слегка сжал пальцами. Затем придвинулся ближе, и его тёплое дыхание коснулось щеки. При резком вздохе в животе вспыхнул жар, и мышцы пресса непроизвольно сжались. Из позвоночника будто вынули кол, и страх кипящей лавой спустился вниз по спине. Мне показалось, что я описалась.

«Опять?!»

Я вытянула губы в трубочку и судорожно выдохнула, по-

ёрзала бёдрами и поняла, что это, скорее, жар в паху от испуга. Но ягодицами недвусмысленно ощутила, как возбуждён мужчина.

– Что вам нужно? – сбивчиво спросила, надеясь, что хотя бы он меня слышит.

И вдруг тот отнял одну руку и мягко собрал мои волосы, оголяя шею. Я замерла в жутком предчувствии... И снова перестала дышать. А затем почувствовала горячие влажные губы на затылке, и в тот же миг по телу прокатилась протестующая волна. Я не смогла сдержать внезапную брезгливую дрожь и резко дёрнулась в сторону. Да только забилась в углах: всюду были стены, словно заперта в кубе то ли со змеями, то ли с одним из мучителей-надсмотрщиком.

А когда что-то холодное опутало щиколотки, я запрыгала на месте, визжа, колотя в стены и царапая их.

И вдруг вспыхнул свет. Из последнего прыжка я приземлилась на пол совершенно пустого коридора и изумлённо застыла на месте. В ногах лежало мокрое полотенце, рядом никого. Тараща глаза, я ощупала себя и пол вокруг, отползла к стене и прижала колени к груди, испуганно вдавив голову в плечи. Я как будто сходила с ума.

– Охренеть можно! Это что – глюки такие? – услышала свой сдавленный голос и откашлялась.

– Долго сидеть собираешься? У тебя тридцать секунд найти спальное помещение, раздеться и лечь! – усмехнулась Сейнара, будто всё это доставляло ей огромное удоволь-

ствие.

«Никаких волос и ногтей: следом за Максом порежу на кусочки!» – яростно подумала я, подбирая полотенце и устремляясь в спальню.

Вбежав внутрь, мельком оценила обстановку: похоже, других это не коснулось. Поймала тревожный взгляд Найти, скинула пижаму в шкаф и быстро прыгнула в постель.

Секунды вышли, и свет погас. Ещё некоторое время слышала только своё дыхание.

Этой ночью никто не говорил, даже не пожелал «доброй ночи». Я считала неровные удары сердца, ощущала, как гудят ноги и мышцы ноют в таких местах, о которых и не подозревала. Я была настолько измотана, что едва ли успела вспомнить и помолиться за малышей, как отключилась.

Глава 10

Я открыла глаза раньше сигнала таймера, но неподвижно лежала под одеялом и ждала. Вроде спала, а вроде и нет: в сознании слишком чётко сохранилось всё, что произошло в последние два дня. Даже не верилось, что это всего лишь два дня. Казалось, что в этом заточении я уже целую вечность. Как только таймер сработал, поднялась и сразу пошла к шкафу.

И вдруг мозг, как гвоздём, проткнул голос Сейнары:

– Сколько шагов от кровати к личному шкафу?

Я зависла в недоумении. Кое-как сообразив, что испытания продолжают, оглянулась, чтобы хоть зрительно представить расстояние, но голос тут же известил:

– Задача не пройдена. Шевели мозгами, Седьмая!

«Интересно, чего я лишилась на этот раз?» – подумала хмуро и повернулась к зеркалу.

Мельком глянув на себя, изумлённо замедлила: на теле ни одного синяка, ни одной ссадины, колени чистые и предплечье больше не опухшее. Пластыря не было. Следов укусов тоже. Рука была, как новенькая.

«Может, мне приснилось?» – засомневалась я и снова осмотрела себя полностью. Насколько могла верить глазам, они меня не обманывали. А в теле не чувствовалось ни тяжести, ни напряжения.

На мгновение я выпала из реальности, осмысливая, в какое до маразма необъяснимое положение попала. Но тут же захлопнула дверцу в самый хрупкий уголок сознания, чтобы не дать неуёмной тревоге взять верх: не поверить в собственное сумасшествие.

Кто-то зашипел, ударившись ногой об угол кровати, и тоже недоумённо замер у зеркала. Все оделись и встали у выхода с такими же неопределённостью и тревогой во взглядах. Общая атмосфера собрала мысли и сосредоточила: не одна я сходила с ума. Но, что ждать сегодня, и не представляла.

Выходя со всеми из спальни, я уже смотрела во все глаза. Мозг работал, как камера на андроиде.

Утро началось с выматывающей тренировки: подтягивания, отжимания, а затем пробежка на пыточной беговой дорожке, после которой ходьба по обычному полу казалась путешествием по облакам. У каждой пленницы были свои нагрузки. Мельком наблюдая за ними, с досадой отмечала, что я по-прежнему слабее всех.

Завтрак усилил ощущение незащитности: под столом неожиданно обнаружилась гремучая змея, которая завидев людей, сразу же заметалась по столовой, а потом поползла в мою сторону, как на адреналиновый маяк. Я едва не подавилась первым куском омлета и инстинктивно вскочила с места. Только когда с экрана надо мной посмеялась Ламара, я осознала, что стою на краю стола с вилкой, схваченной, как кинжал, и не дышу. Змея замедлила на секунду, сотря-

сая ужасающей погремушкой на конце хвоста, и исчезла в коридоре.

– Сядь на место, Седьмая! – приказала вражина.

Внимательно осмотрев все углы помещения, хотя, кроме столов и стульев, в нём ничего и не было, я спустилась и села на место, вытирая испарину со лба.

«Откуда здесь гремучая змея?!» – тяжело дышала я, беспрестанно сканируя взглядом столовую.

А когда в час отдыха всё в том же зале на Вторую с потолка упало несколько мохнатых чёрных пауков и она забилась в истерику, я отчётливо осознала, что похитители испытывают наши страхи.

«Змеи, темнота, холод, а ночью этот жуткий неизвестный с недвусмысленными прикосновениями... И что это было, вообще? – передёрнулась я, вспоминая мокрые губы на затылке. – Они досконально меня изучили... Значит, змеи ещё появятся... Господи, помоги! Может, если удастся не реагировать на них хотя бы внешне, то эти извращенцы перестанут мне подкидывать гадов?..»

От противных воспоминаний и разгорающейся злости отвлёк неожиданно включённый на экране документальный фильм о том, какие простые лекарственные и не лекарственные средства при смешении в нужной пропорции образуют активные вещества, схожие по действию с барбитуратами⁸.

---

⁸ Барбитураты – группа лекарственных средств, оказывающих угнетающее влияние на центральную нервную систему.

Я ничего не понимала в химии, тем более в фармацевтике, но смотрела внимательно и запоминала названия.

И потом, когда нас снова направили в зал испытаний, я перечисляла в уме, сколько шагов от одного места до другого, сколько бликов на стене, дверей по пути... Суммировала, делила, вычитала...

Ещё утро, а я уже чувствовала себя выжатой. Не столько бег и отжимания отняли сил, сколько подавляло само происходящее и адреналиновый выброс после испуга от змеи.

Но впереди оказалось новое непредсказуемое испытание. Перед нами открыли широкий длинный туннель. В конце на подсвеченном прожектором постаменте лежало что-то маленькое, чёрное, продолговатое.

Инструкторы во главе с Ламарой стояли справа. Главная медленно прошла перед нами и протянула к туннелю ладонь.

– В конце туннеля лежит мобильный телефон. Кто добегит первым и возьмёт его, сможет позвонить одному родственнику, если вспомнит номер, разумеется...

«Господи! Я могу услышать Соню или Илью... – зазвенело в груди, и ладони тут же вспотели. Но я с подозрением нахмурилась: – Неужели нужно только пробежать до конца?»

Туннель выглядел прямым, без каких бы то ни было щелей в полу и стенах. Никаких дверей или отверстий. Ровный свет лился с идеально гладкого потолка. Но сомнения неистово заскреблись в подкорке: в каждом задании был под-

вох, и это, скорее всего, не было исключением.

– Вижу в глазах сомнения? – пронизательно заметила Ламара и гадко засмеялась. – Это игра, и вам нужно победить тех, кто сам жаждет победы. Это поможет стать собраннее, эффективнее, а в реальной обстановке будет легче обойти ничего не подозревающего противника.

«В реальной? Куда нас ещё отправят?! – прищурилась я, продолжая разглядывать пространство туннеля. – И кого же вы из нас готовите?»

– Как всегда, у вас будет время, – и взмахом руки она указала на потолок, где загорелись синие цифры: у нас был час.

Время на задачу напрягло ещё сильнее: «До телефона метров пятьдесят, не больше...» – недоумевала я.

Почувствовала, как Шестая тяжело запыхтела, напряглась всем телом, готовясь к броску, и поняла, что проиграла, даже не начав.

«Ну уж нет!» – дала себе мысленный пинок, сжала пальцы в кулаки и вытянулась, чувствуя каждую мышцу в теле.

– Внутри периметра разрешается всё. Удачи, дамы! – усмехнулась Ламара и дала старт испытанию.

Вместо обычного сигнала раздался такой пронзительный писк, что меня едва не пригнуло к полу, но, зажав уши, я рванула быстрее растерявшихся женщин. Наравне со мной была лишь Найти.

Но, как только мы пересекли линию старта, внутри туннеля потемнело, на секунду выбив из колеи всех. По перимет-

ру потолка загорелась линия фиолетовой подсветки, в которой наша одежда засветилась, как при ультрафиолете. Писк сменился каким-то странным шумом, заполнившим всё пространство и мешающим сосредоточиться. А потом внезапно с потолка обрушились столбы плотного грязевого ливня. Меня задело по плечу и от потери равновесия чуть не развернуло в сторону. Заскользив по полу, пригибаясь, я испуганно вжалась в стену. Я уже не видела, куда нужно бежать, как и остальные: ориентира больше не было.

Но, когда мимо промчалась Пятая, а за ней ещё двое, я взяла себя в руки и побежала за ними. Однако грязь сбрасывалась с такой силой, что буквально сбивала с ног. Она была липкой, вонючей, мешала смотреть вперёд, затекая в глаза, нос и рот. Пол стал похож на болото: ноги утопали по щиколотки, и оторвать их от дна было нелегко.

Я поскользывалась, поднималась, отплёвывалась и снова шла, как могла, прикрывая лицо ладонью и косясь на потолок. Грязевые потоки рушились непредсказуемо с разных сторон. По стене было двигаться намного проще, чтобы не потерять направление, и кажется, я почувствовала ритм выбросов. Но опять сбилась, когда увидела, что Первая подставила подножку Найти и та плюхнулась в грязь лицом. Не успела она вовремя подняться, как грязевой поток снова прибил её к полу.

Я была недалеко. Протянув руку, попыталась помочь ей подняться, но в ту же секунду ощутила, как та, ухватившись

за моё запястье, дёрнула так, что я не удержалась на ногах. И это было сделано специально.

Вовремя подставив руки, я упала на четвереньки, и недоумённо уставилась на Третью. А та уже лихо перебирала ногами в другую сторону. И я догадалась: нас снова стравливают. Однако поняла, что ошиблась, когда сумела обогнать Найти, вновь упавшую от чьей-то подножки, а она вдруг безжалостно оттолкнула меня, вырываясь вперёд. Я удержала равновесие, но возмущённо зашипела, вцепившись плечом в стену. Новый поток приземлил меня на попу. Я зло фыркнула, отплёвываясь от противной жижи, и протёрла глаза. И наконец, осознала, что и без указаний каждая пыталась пробиться первой: сейчас мы все были озлобленными, испуганными соперницами.

Казалось, мы барахтались в этой зловонной клейкой массе очень долго, но, видимо, время ещё не вышло, а силы были на исходе. Грязь доставала уже до середины голеней, и я почти задохнулась, с трудом переставляя ноги. И в тот момент, когда меж двух потоков увидела постамент, на секунду задержала дыхание, чтобы собраться и сделать рывок, неожиданно появились некто в чёрных одеждах и масках.

Это были мужчины. Их снова было много. Они встали плечом к плечу недалеко от постамента и, хватая за руки, за ноги, всячески мешали любой из нас добраться до цели. Их тоже сносило грязью, они двигались с трудом, но всё-таки были сильнее и не прекращали попыток задержать нас.

С криком женщины бросались на них, валя с ног и вместе откатываясь в стороны. Морщась и силясь не потерять в этом хаосе, я невероятным образом вывернулась из захвата одного, ловко спряталась за очередным потоком грязи и, держась за стену, добралась к постаменту. С отчаянной надеждой потянулась к телефону... Но передо мной будто из-под земли вырос и встал столбом другой широкоплечий противник.

Он уже собрался наброситься на меня, но неожиданно споткнулся и под собственной тяжестью повалился на Первую, которая тоже тянула руку к постаменту. Они оба рухнули прямо передо мной. Едва выдерживая жжение в глазах, я прищурилась, без зазрения совести наступила мужчине на спину, и снова потянулась к телефону, но тут же была сбита с ног Четвёртой.

Быстро подняться уже не удалось, я еле держалась на вытянутых руках, чтобы не утопить лицо в грязи.

Азиатка же, рыча от злости и изнеможения, схватила телефон и с выпученными глазами прижала его к груди в ту самую секунду, когда раздался сигнал окончания испытания.

Я кое-как выпрямилась и просто села по пояс в жижу, обессиленно уронив руки.

Всё тут же стихло: шум, грязевые потоки. Комковидная чёрно-зелёная каша с противным хлюпаньем ушла в откуда-то возникшие отверстия в полу. Вспыхнул белый свет. Я зажмурилась от резкой боли в глазах, а когда приоткрыла ве-

ки, кроме измазанных пленниц в туннеле больше никого не было.

– Фантомы какие-то... – выдохнула почти беззвучно, чувствуя, что если вскоре не смою с себя эту грязь, то вывернет наизнанку.

– Сколько было мужчин? – зазвенел в голове скучающий голос Сейнары, будто она попивала коктейль в ароматной ванне, наблюдая за шоу подневольных зверушек.

– Семь, мать твою! – выплюнула я вместе с кисло-тухлым комком грязи, практически не думая об ответе.

– Повежливее, Седьмая! Но за верный ответ, так и быть, получишь бонус, – фыркнула та и отключилась.

«Да пошла ты...» – подтянув колени к груди, я уронила на них голову.

– Bravo, Четвёртая! – прозвучал голос Ламары издалека. – Все на выход!

Собрав волю в кулак, я поднялась и пьяным шагом прошла в конец строя. Кому-то сильно досталось: хромали или держались за бок. Мне же казалось, что я вся пропиталась несмываемым дерьмом, а в местах, где впивались пальцы мужчин, ожоги.

– У меня одной глюки, или здесь был какой-то спецназ? – тихо спросила у Шестой.

– Тогда у нас групповые глюки, – прошептала та, грязным пальцем зажимая разбитую губу.

– Мне чуть глаз не выбили! – с ненавистью процедила Пя-

тая.

– Заткнитесь, вы! Нам запрещено говорить! – шикнула

Четвёртая.

Я настороженно перебрала в памяти все указания с утра и горько усмехнулась:

– Нам вообще не запрещали говорить сегодня... А если и так, то ты уже нарушила запрет...

Азиатка угрожающе сузила глаза и прижала телефон к груди ещё крепче, будто его уже собрались отобрать. Шестая покосилась на меня с сомнением и прошептала нечто, что я перевела, как «Все как взбесились... Ни шиша не помню».

– Да все вы сучий потрох! – выплюнула через плечо Вторая. – В следующий раз почки отобью, если тронете меня!

Я прикрыла глаза и медленно считала вдохи и выдохи. Впереди ещё неизвестно, что будет, нельзя было поддаваться провокациям.

И вдруг перед нами кто-то взвизгнул. Видно, все остановились, что я уткнулась грудью в спину Шестой. Распахнув глаза, увидела, как Первая схватила Вторую за волосы. А потом они обе поскользнулись на остатках грязи, упали и стали кататься, колотя друг друга и ругаясь на чём свет стоит.

На всякий случай я отступила на шаг от Шестой, хотя в этой грязной бойне никого не тронула, только защищалась, отыскивала глазами выход и заметила, что Ламара и все инструкторы молча внимательно наблюдают за дерущимися.

И в этот момент поняла: хоть все мы в одной лодке, но

каждая запросто потопит соперницу, потому что теперь каждый сам за себя. На взаимопомощь рассчитывать нельзя, и надо вдвое быть осторожнее. Мои парни, хоть и были засранцами, но всё же не такими жестокими, но кто знает, как бы они вели себя, если бы на кону были жизни их семей.

И снова сдавило в груди от воспоминаний о смерти коллег – глупой, бессмысленной...

– Стоп! – крикнула Ламара.

Но двое не сразу расцепились. Помог только звук электрошокера.

Первая отбросила Вторую от себя резким пинком в живот и поднялась, отряхнулась и встала в строй. Вторая, очевидно, только сейчас осознала, что поддалась эмоциям, и с ужасом смотрела на главную. Но ранее она наравне с Первой и Четвёртой справлялась со всеми задачами гораздо лучше остальных.

«Неужели они накажут её?» – с содроганием гадала я, смазывая с носа капли грязи, стекающие со лба.

– Мы не имеем права рисковать миссией. Испытания направлены на то, чтобы держать в тонусе мозг и тело, а не для того, чтобы вы друг друга искалечили, – подозрительно спокойно проговорила Ламара.

– Простите, ради всего святого! Этого не повторится! – испуганно взмолилась Вторая, тут же поднимаясь и ковыляя на своё место.

Ламара усмехнулась и прищурилась:

– Правила вы не нарушили: в периметре туннеля можно было делать всё...

Я едва не застонала от облегчения, но сжала губы и задержала дыхание, чтобы не выдать эмоций. Снова сделала мысленную зарубку, что нужно быть ещё внимательнее.

– ...а раз уж так захотелось выпустить пар, у вас будет шанс, – и главная посмотрела на помощника, который появился за её спиной. – Это испытание планировалось позже, но, думаю, пора, Петар?

– Всё готово ещё с утра, – подтвердил тот.

«Меня это тоже ждёт? И что это?..» – с беспокойством подумала, выходя из туннеля.

– Четвёртая, минута на разговор, – отчеканила главная. – Все остальные марш в душ рысцой!

И мы, обессиленные, натываясь друг на друга, сразу засеменили из зала.

Слава богу, вода была обычной температуры, чтобы смыть с себя липкую грязь, только времени, как назло, вдвое меньше. И Четвёртой досталось всего полторы минуты. Стоили ли эти бонусы таких жертв, если они имели обратную сторону.

«Что бы я сказала Соне или Илье? Где я? Почему бросила их?» – мучилась вопросом по пути в зал испытаний, в который нас вернули прямо в одноразовых пижамах.

Глава 11

В самом дальнем конце перед несколькими рядами сидений, расположенных, как в амфитеатре, стояло два стеклянных куба не больше трёх метров по периметру. Внутри на полу лежало нечто белое, по ощущению мягкое.

– Задание для Первой и Второй. Каждая входит в отдельный куб. Прошу, дамы... – протянула руку Ламара.

Первая и Вторая настороженно переглянулись и вошли в разные кубы. Я с недоумением следила за происходящим, а под ложечкой посасывало.

– Вы должны принять то, что будет происходить. Вам запрещено говорить и драться. На задачу пятнадцать минут...

– Но что нам делать? – спросила Вторая, и тут же прикрыла рот ладонью, с опозданием вспомнив о правиле.

– Первое нарушение, Вторая! – удовлетворённо хмыкнула Ламара. – Но ответчу: вам может даже понравиться.

Главная заложила руки за спину и повернулась к нам.

– Остальные будут наблюдать. Вас тоже это ожидает, но позже. Таймер, Петар!

В воздухе над кубами вспыхнула проекция таймера. В мыслях не возникло ни одного предположения, что сейчас будет. В тревожном ожидании я наблюдала, как двери кубов закрылись. А потом с женщинами что-то случилось: они стали вытягивать руки и ощупывать пространство вокруг, буд-

то ослепли.

Неожиданно с противоположной стороны каждого куба вошли незнакомые мужчины. Высокие, мускулистые, пугающие. И они были полностью обнажены.

Сердце пропустило удар, а потом понеслось вскачь, оглушая пульсацией в ушах. Я прижала ладони к животу и прищурилась не мигая.

Некоторое время мужчины не двигались, но затем, словно одновременно получив приказ, шагнули к женщинам и схватили их за руки. Больше всех испугалась Вторая. Она заплескала руками в воздухе, но заметно упрямо сжимала губы, чтобы не закричать, а мужчина в два раза шире неё, волосатый, как монстр, схватил её за плечи и повалил на пол. Ухватил за запястья, закинув их за голову, живо разорвал пижаму второй рукой и коленом раздвинул ей бёдра...

Как только смысл происходящего дошёл до меня, сердце ухнуло на дно живота. Щёки и уши мгновенно опалило огнём, и кожу защипало, как от мелких искр. Ноги стали ватными, и меня всю охватило какой-то непередаваемой слабостью и ощущением, что оторвали от земли и подвесили за шиворот. Жаркая волна поднялась к горлу. Я судорожно заморгала, понимая, что если не начну дышать, то стошнит.

Пространство затопили сдавленные возгласы рядом. Гул голосов прошёлся душной волной сквозь меня, и я зажала уши ладонями. Жар и слабость по телу сменились ледяными мурашками. В глазах потемнело, а в голове стало пусто

и звонко.

Всё внутри меня протестовало!

Не устояв на ногах, я упала на четвереньки коленом прямо на чью-то ногу, рядом послышалось шипящее ругательство. Кто-то схватил меня под руки и попытался поднять, но я даже не делала усилий помочь им в этом.

А когда вдруг разглядела перед собой форменные брюки и ботинки, инстинкт самосохранения пробудил остатки сознания. От предчувствия своей ошибки медленно выпрямилась, встав на колени.

В зале стояла гробовая тишина, раздавалось лишь одинокое беспомощное мычание из куба.

– Ты нарушила указание! – строго раздалось где-то у виска. – Ты должна наблюдать! Первое нарушение!

От смеси испуга и неверия я опустила на пятки, подняла глаза и непримиримо покачала чугунной головой, еле выдавливая слова:

– Вы не можете меня заставить...

Тонкая бровь гадины медленно изогнулась дугой. Губы расплзлись в еле заметной ухмылке. И, выпрямившись по стойке смирно, она выплюнула:

– Проверим?

– Я... я... – бессвязно начала я и тут же была остановлена хлёткой как плеть фразой.

– Второе нарушение! Если немедленно не встанешь, будет третье!

Меня затрясло в бессильной ярости. Не допуская и мысли, что кого-то из детей накажут, я поднялась и застыла ледяным изваянием, затуманенным взглядом уставившись на первый куб, где Первая, отвернув голову в сторону, закрыв глаза и вцепившись в мягкое покрытие, покорно выполняла приказ.

– Умница, – ухмыльнулась Ламара и отошла.

А я, расставив ноги, чтобы удержать равновесие, лишь сжимала пальцы в кулаки до такой степени, что ногти впились в ладони.

Не заметила, когда всё закончилось: сознание онемело и не воспринимало время и пространство как обычные. Я двигалась машинально, видя спину Шестой, и только.

Нас вывели из зала. Потом я оказалась уже в стандартной одежде, сидящей за столом перед порцией чего-то размазанного по тарелке и единственным на столе бумажным стаканчиком кофе, на котором было написано: *Life is good!*⁹

Молчаливые слёзы залили лицо. Плакала и ещё одна пленница – Найти.

В зале отдыха я осмелилась мельком посмотреть на Первую и Вторую: страшно было до ужаса – обе замкнулись в себе и молчали в разных углах комнаты. Не представляла, что они чувствовали после такого, но каждая отличалась силой воли и выдержкой. Мне оставалось лишь уповать, что, когда такое произойдёт со мной, меня выключит ещё до начала. А может, я вообще впаду в кому.

---

⁹ *Life is good!* – Жизнь прекрасна! (контекстный перевод с англ.).

Чтобы не думать о страшном, я намеренно вспоминала, какого цвета глаза у каждой пленницы и у их инструкторов, что было подано на обед, сколько всего приборов лежало на столе, даже кто сколько раз кашлянул. А потом считала предметы в помещении, количество книг, заучивала их названия, запоминала, какие картины отображались на стенах и сколько на них объектов...

Не знаю, что осталось не посчитанным мной. Я так напряжённо думала и запоминала, что почти слышала, как вертятся колёсики в голове. А к концу часа она уже раскалывалась от обилия бесполезной информации, и я не знала, как остановить паранойю и на чём сосредоточиться, чтобы не провалиться в следующий раз.

А следующим разом была индивидуальная комната, где в полнейшей темноте, в тишине, совершенно одна стоя перед большим интерактивным монитором, почти пять часов я решала какие-то задачи на интеллект: странные картинки, слова, что-то на внимательность и память, математические задачи и неоднозначные ситуации выбора. Раньше казалось, что я не глупая и могу принимать решения, но сегодня окончательно поняла, что не только слаба физически, но и в извилинах кисель.

Я была недовольна результатами, которые сразу же отображались на экране, но хотя бы ответила на все идиотские вопросы, которыми забрасывала координатор: голодной не останусь.

Выходя из тёмной комнаты, я ощущала себя безумно одинокой и беспомощной. И меня заставили ещё раз в этом убедиться.

Глава 12

– Седьмая, а теперь разминка перед ужином! Живо в лифт! – приказала Сейнара.

От ужаса ноги подгибались, но я свернула к лифту и молилась, чтобы это было что угодно, пусть даже змеи и тарантулы, но не куб с насильником. Это было настолько мерзкое и бесчеловечное испытание, что не знаю, что легче: умереть или вынести его.

Мольба была услышана. Но здесь любая задача – нелёгкое испытание. Мне выдали тонкую белую ветровку с капюшоном и выпустили в снежную пустошь, где взгляду не за что было зацепиться – белым-бело.

– Вход в Скалу на другом конце поля. Сколько минут потратишь на возвращение, столько и проведёшь в «кубе удовольствий», – ухмыльнулась Сейнара, а я увидела чернеющую вдали точку – проход в Скалу.

Осознав всю жестокость и безвыходность ситуации, я рванула к ней со всех ног, считая секунды.

Мгновенно хлынул ледяной ливень. От дикого холода коленели пальцы, наверное, и эмаль на зубах потрескалась, но я бежала, бежала изо всех сил, только чтобы выжить из головы навязчивые мысли и страхи. Икры ломило, мышцы бёдер стягивало в приближении судорог. От напряжённого дыхания саднило горло, будто туда залезли лопаткой и выскобли-

ли слизистую. Надежды на второе дыхание не осталось, потому что уже семнадцать минут беспощадной гонки отобрали почти все силы.

Я не знаю, что ещё заставляло держаться на ногах. Ярость? Воля к жизни? Или неотступный страх за жизни детей? Если бы могла выбирать, отдала бы себя на растерзание всем псам ада. Да только я сама была залогом жизни малышей и не имела права сдать.

Никто из нас не мог предугадать последствий неподчинения. Что это был за чудовищный эксперимент над телом и психикой? Кто санкционировал это? Голова разламывалась от вопросов, а тело – от изнеможения.

После двадцатой минуты я уже перестала считать. А добежав до входа, буквально вползла в открывшийся лифт, уже не чувствуя ни рук, ни ног. Уткнулась в стену лбом и пыталась не распластаться на полу.

Лифт быстро поехал вниз. От едва заметного толчка я повалилась на бок.

«А что, если я схвачу воспаление лёгких... и умру? Кто такое выдержит?» – но вспомнила, что утром была необыкновенно бодра и здорова. Я чуть не зарыдала в истерике, представив, как пытки будут повторяться до бесконечности.

– Господи, я поняла, почему ты меня не слышишь, – запахнула глаза, уставившись перед собой. – Я уже умерла и оказалась в аду! Вот такой он, да? Где не понимаю, что происходит, но испытываю дикие муки ежесекундно... Это мне

нужно осознать?! Ты это, грёбанный отец, хотел мне сказать?!

Двери лифта открылись, а я не могла подняться.

– Хватит патетики! У тебя одна минута, чтобы дойти до душевой, – прозвучал недовольный голос координатора.

– Я не помню, как умерла... Да и за что меня в ад? А как же мои дети? – сама не понимая, как встала на ноги, продолжила вслух. – Но это всё объясняет... И катакомбы, и джунгли, и мёртвый город... Господи, парни... они тоже были все мёртвые? А Арес?

– Ева, прекрати! – раздался голос Макса, который и привёл в чувства. – Соберись! И не раскисай! У тебя двадцать секунд до душевой... Но бонус за хорошую пробежку: час на процедуры и отдых перед ужином.

«Хорошая пробежка?! Больше двадцати минут в кубе – ты, тварь, издеваешься?!» – едва не выплеснула мысли наружу, но лишь вытерла губы от брызнувшей в шипении слюны и ускорила шаг, насколько могла.

В душе я впервые была одна. Сначала отогревалась, а потом нахлынуло такое отчаяние, что не смогла сдержать рыдания. А когда слезы высохли, осознала, что выбора нет: сколько бы ни сопротивлялась, а бороться буду не за себя, а за Илью и Соню. Страшнее было бы наблюдать их травмы или смерть, чем перенести двадцать минут с насильником. Изощёренности в психологических пытках похитителям было не занимать.

«Это будет стандартный неприятный приём гинеколога...

Могу я это избежать? Нет! Могу что-то изменить? Нет! Поэтому ты стиснешь зубы, закроешь глаза, будешь просто дышать и думать о том, как взорвёшь здесь всё! И может, это будет завтра? А до этого ты обязательно что-нибудь придумаешь...» – уговаривала себя, медленно двигаясь на ватных ногах по коридору в сторону столовой.

У меня был комплексный ужин. Есть хотелось безумно, и я без разбору запихивала в рот всё, что лежало на подносе. Соперницы настороженно косились.

– Ну что, готовы? – неожиданно появилась Ламара на экране. – Куб удовольствия ждёт вас! Но... – и она хитро прищурилась. – Теперь начнём с конца...

И всё, что я съела, чуть не вернулось обратно на поднос.

«Завтра не наступит никогда!»

Шестая вжалась в спинку стула, сплела пальцы и, закрыв глаза, просто стала молиться.

«А кому молиться мне?» – проплыло в мутной голове.

* * *

После «отдыха» в зале, где транслировали самый гнусный фильм, какой только мог снять кинематограф, «Я плюю на ваши могилы», от которого тошнота подкатывала к горлу и все внутренности сжимались, но не смотреть его было запрещено, к кубам нас с Шестой подвели молча. Абсолютно. Главная гадина кивнула на вход и выставила таймеры.

У Шестой было семь минут. Видно, она справилась со своим предыдущим испытанием намного лучше меня. Мы переглянулись с ней, одним взглядом выражая друг другу сочувствие и ужас. И я вошла в раскрывшиеся двери своейточной камеры.

Ноги утонули в мягком покрытии, сохранить равновесие было трудно. Воздух был тёплым, но по коже бежал холодок от сознания того, что вскоре произойдёт. Я обняла себя за плечи и замерла у входа.

Сквозь стеклянную стену напротив, как на трибунах стадиона, сидело множество тёмных неподвижных фигур, лиц не было видно.

«Неужели все они станут наблюдать за тем, что здесь будет твориться?! – обожгло мыслью. – Только больные получают удовольствие от насилия!...»

Двери за спиной закрылись, я оказалась в абсолютной тишине. Крепче сжав кулаки, отошла к стене справа. Вторые двери всё ещё были закрыты. Я с ужасом ожидала того, кто войдёт в них. И вдруг стены стали мутнеть, а потом и вовсе побелели. Я оказалась скрыта от всех глаз, но это не облегчало положения. Сердце гулко забилося. Внезапно поняла, что не стены побелели, а я перестала видеть. Это испугало ещё больше, чем голос, прогрохотавший в голове:

– У вас двадцать три минуты!

Я вцепилась спиной в стену и задержала дыхание, чтобы услышать, как кто-то войдёт. Напряглась всем телом, вслу-

шиваясь в тишину, но та была непроницаема. Я не понимала, что происходит. Пугало и ожидание, и чьё-то бездействие. Я медленно задышала и стала отсчитывать секунды.

«Может, никто не придёт?..»

С каждым вдохом возникали всё новые и новые вопросы, а тишина продолжала давить и натягивать нервы. Перед входом в куб я дала себе обещание, что если не сохраню себя, то сохраню жизни детей, но смятение накрыло с такой силой, что из памяти выветрились все правила.

– Умоляю вас, пусть всё уже закончится! – выдохнула я и с ужасом поняла, что не слышу собственного голоса. С опозданием дошло, что заработала третье нарушение. Это была фатальная ошибка!

Но острота этой мысли тоже померкла, когда кто-то потянул за руку. Уже не контролируя эмоции, я дёрнулась, вырвалась и замахала обеими руками перед собой. Я ничего не видела, не слышала, но снова почувствовала на локте чьи-то крепкие мозолистые пальцы. От животного страха закричала, да поняла, что зря надрываюсь.

Снова вырвалась и отбежала в сторону, но наткнулась на стену. Поморщившись от боли, опустилась на колени и заплакала от бессилия. Не знаю, сколько точно просидела так, но ничего больше не происходило. Я притихла и лишь осторожно поворачивала головой в стороны и щурилась, пытаюсь вернуть зрение. Но тщетно.

Когда зыбкая надежда, что всё закончилось, проскользну-

ла в мысли, меня резче, чем в первый раз, схватили за руку и быстро подняли. Я едва не задохнулась от неожиданности.

Он прижал меня щекой к стене, рывком стянул брюки, а затем жёстко развернул. Задыхаясь, я стала сопротивляться и бить его руками куда попало. Даже пыталась ударить коленом в пах, но тот каким-то образом предвидел это и неожиданно оттолкнул меня. Я не удержалась на ногах и упала на спину. Сразу повернулась на живот и закарабкалась прочь. Только руки не слушались. В смятении обнаружила, что ничего не чувствую подушечками пальцев. Это дезориентировало окончательно.

Однако мужчина поймал за лодыжку и дёрнул на себя, а потом придавил всем телом к полу, прижав одной рукой запястья над головой, а второй – стянул трусы. Я не могла сопротивляться его мощи и тому, что должно произойти. Горло сжалось так, что напрочь перекрыло дыхание. Перед глазами мелькнули лица малышей, и тогда я стиснула зубы и зажмурилась что есть мочи...

На какую-то долю секунды подумала, что смогу это вынести, но, когда поверхностью бёдер ощутила, что мужчина был обнажён, а что-то мерзко влажное упёрлось мне в ногу, ярость взорвала последние искры надежды и терпения.

Я закричала, но это не помогло. Он резко раздвинул мои бёдра... И в этот момент нутро сдавило горячими тисками. Сокрушительной волной из меня вышло всё, что было в желудке. Неприятная жижа потекла по руке. Тело забило круп-

ной дрожью. А насильник вдруг разомкнул пальцы на запястьях и отстранился.

Я машинально приподнялась на локтях, и меня выполоскало так, что едва не выплюнула собственные кишки. А когда тошнить было нечем, я затравленно сжалась и оцепенела. По щекам и подбородку потекло что-то горячее. Стиснув зубы до боли в дёснах, я крепко зажмурилась.

Никто больше не коснулся меня.

В какой-то миг всё закончилось: прозвучал сигнал таймера. Я вздрогнула от неожиданно прорезавшегося слуха, а после белый туман перед глазами стал рассеиваться.

Подняв голову, различила контуры куба. Когда зрение окончательно прояснилось, рядом уже никого не было, как и на трибунах. Я откинулась назад и сползла затылком по стеклу, уронив голову на мягкий пол: опустошение и бессилие накрыло липким пологом. Холодная ярость поднималась из глубины из-за того, что кто-то неведомый позволял этому происходить.

А затем всё померкло...

* * *

Поверхность, на которой я лежала, была неудобной. Бока ныли. В мутном сознании открыла глаза, чтобы понять, что не так с кроватью, и увидела, что лежу в пустой комнате. На кушетке. В пижаме. Во рту сухо. Губы слиплись...

Я приподнялась на локтях, но воспоминания о случившемся, будто силовой волной, отбросили на подушку. Взгляд заметался по потолку, по комнате, но здесь было пусто. От этой пары усилий и внутреннего волнения одолела слабость, и я закрыла глаза. Вспомнила, как меня подняли под руки, волочили по коридору, бросили под душ, а потом просто отключилась.

Сумев поднять руки, ощупала себя. Кожа была липкая и горячая.

«Похоже, у меня температура... Я всё же простудилась... Сколько я тут лежу?»

Кто-то вошёл. А я настолько плыла, что не смогла даже приоткрыть глаз. Но вдруг кто-то поднял меня за плечи, прижал к себе и уткнулся губами в ухо, а его ладонь оказалась у меня на копчике. Адреналин ударил по нервам. Я резко распахнула глаза и попыталась вырваться, но меня ещё крепче сжали в кольце рук.

– Не дёргайся! Я блокирую твой чип... – прошептал знакомый мужской голос.

Это был Макс. Я присмирела. И тут же услышала следующее:

– Я позволю тебе не проходить это испытание, но все должны быть уверены, что ты его прошла!

Он отклонился, и я с трудом сфокусировала взгляд на больших карих глазах. Макс смотрел так настойчиво, что я тут же кивнула. А потом его взгляд опустился на мои губы, и

я поняла, что это не сочувствие, а новая ловушка: за эту по-
блажку должна буду заплатить. И вопрос не в том, насколько
дорого мне это обойдётся, а в том, смогу ли.

Я сглотнула, а он убрал руку от моего копчика и помог
опуститься на кушетку.

– У меня третье нарушение? – с запоздалым страхом
вспомнила я, что натворила в кубе.

– Ты, наверное, забыла: перед испытанием не было ника-
ких указаний, – мягко улыбнулся Макс, а когда я с горячей
надеждой ухватила его за руку, то посерьёзnel и сухо доба-
вил: – Завтра у тебя новый этап, Седьмая! Приходи в себя...
И будь внимательнее!

И сразу после его слов ощутила, как веки наливаются тя-
жестью и уносит куда-то за пределы реальности.

Часть II. Атом

Глава 1

Начало нового дня сопровождалось молчанием в эфире. И кажется, не только у меня.

Я проснулась в постели в общей спальне. Происходившее вчера трудно было представить реальностью, но затравленные взгляды женщин опровергали сомнения. После запуска таймера все двигались настороженно в напряжённом ожидании новых попыток. Только Найти была перепугана больше всех и буквально шарахалась от каждой. Я хотела спросить, как она, но воспоминания о её жестокости в грязевом туннеле охладили.

В коридоре она втиснулась в строй последней, беспрестанно озираясь.

– Да не дёргайся ты! – бросила ей Четвёртая, толкнув в спину. – Это всего лишь секс! Трахнут, не переломишься... А слушать твои рыдания ночью – достало!

«Как мерзко!» – поморщилась, не сдержавшись, а перед глазами замельтешили мошки. Но, прокрутив в памяти слова азиатки, догадалась, что Третья – единственная, кто не прошла через куб.

И вдруг вспомнились слова Макса: что все должны быть

уверены, что и со мной произошло то же самое. Только не могла сообразить, как: кубы были прозрачными, все наблюдали за происходящим, а меня просто вывели. Однако, похоже, никто не считал, что мне удалось избежать унижительного испытания. Косились только на Третью. Оставалось надеяться, что Макс не обманул, и меня не ждёт ещё одна попытка. Только я не доверяла ему, ведь сегодня он обещал нечто новое, и от неизвестности всё внутри сворачивалось в узел. Однако собрала волю и набросила бесстрастную маску: ничего не оставалось, лишь с усиленным вниманием следить за происходящим.

Снова была душевая, затем адская дорога в зал испытаний с непрерывным сканированием обстановки и подсчётом всего, что видела. Но до завтрака мне были назначены только отжимания, бег на дорожке, плавание с утяжелителями на руках и ногах, а потом, когда глаза уже ни на чём не могли сфокусироваться, с удушающей маской на лице снова была индивидуальная стрельба на время по движущимся голограммам.

Из душевой нас прямо в пижамах послали в столовую. Голод был зверский, только, кроме семи неполных стаканов с водой, на столе больше ничего не стояло.

– Нас не будут кормить?! – возмущённо пробасила Первая.

На экране появилось строгое лицо Ламары, и прозвучал грозный приказ:

– Ни звука!

По позвонкам будто ток пронёсся. Я вытянулась и намеренно прикусила язык, чтобы случайно не раскрыть рта.

– Сегодня у вас шикарная прогулка, дамы, – отнюдь не доброжелательно продолжила главная. – Перед тем как приступить к активной фазе миссии, вам предстоит провести день в городе, чтобы адаптироваться на местности. Это последняя проверка вас на деле. Не подведите нас... и себя.

Я всем существом ощутила, как напряглись пленницы, впитывая каждое слово. Или это потому, что сама вдруг почувствовала шанс вырваться на свободу. Только эта надежда прошла по телу какой-то душной волной, вызывая испарину.

«Что это за город? На каком конце света я нахожусь? Неужели в Америке? Горы... снег... Где это? Может, Канада?» – засуетились мысли, невольно выстраивая план побега.

– Вижу, как у всех подскочил пульс, – усмехнулась Ламара. – Не рассчитывайте, что вы умнее нас. Не забывайте: мы видим и слышим вас. В случае несанкционированных действий или нарушения чётко заданных правил Калейдоскоп блокирует нервную систему через чип в вашем позвоночнике. Выглядит это не очень красиво: отказывают ноги, кишечник опорожняется самопроизвольно, и вы захлёбываетесь в собственной блевоте... А если кто-то из жителей вызовет скорую, то вы автоматически раскрыты. Как только попадёте, станете для нас бесполезны, а значит, выбываете.

Что такое выбыть, вы уже знаете, верно, дамы?

Я лишь моргнула и задержала дыхание, чтобы усмирить пульс. Но надежда, вспыхнувшая, как пламя, разнесла искры по всему телу, и трудно было отказаться от мысли, что варианта побега не найдётся.

«Я не откажусь от него ни за что! Только нужно понять, где нахожусь...» – упрямо настраивалась я.

– Воды? – кивнула на стол Ламара. – Сегодня завтрак в Скале не предусмотрен.

С подозрением уставившись на свой стакан, я медлила. Не все приняли предложение.

«Безопаснее выпить воды из крана. Хотя и в ней могут быть галлюциногены... Ведь такой бред только в дурдоме?» – подумала я, ожидая очередной ловушки.

– Что ж, дело ваше, – ухмыльнулась гадина. – Но голодать мы вас не заставим. Завтрак пройдёт в городе, и, насколько удачно, будет зависеть целиком от вас.

«А это что ещё за хрень?!»

– Итак, через пару минут встреча с кураторами. Все вопросы должны быть закрыты на этапе инструктажа. В городе вы будете слышать своего координатора, но задавать какие-либо вопросы запрещено. Запомните: в городе вы невидимки – незаметны, немы и осторожны. Только тогда ни одна охранная система не распознает вас как чужака.

В комнату номер семь я шла в смятении. Глупое, но не лишённое смысла представление, что нас выпустят в каком-то инопланетном городе, заставляло сердце то замирать, то трепыхаться, как оторванное. А на уме было одно: «Неужели всё настолько серьёзно, что это не преодолеть?!»

Макс стоял за столом, на котором лежали три пакета, один меньше другого. Сейнара – за его спиной. Оба в одинаковой светлой форме, подтянутые, собранные, будто служащие какому-то нацистскому режиму. Оба неотрывно следили за мной, пока не села на указанный стул напротив, скрестив руки перед собой, чтобы хоть немного прикрыть просвечивающую сквозь пижаму грудь. Затем сел Макс и внимательно уставился в лицо.

Я медленно перевела взгляд на пакеты и старательно равнодушно поинтересовалась:

– И что нужно делать?

– Как чувствуешь себя? – неожиданно спросил тот.

– А это имеет значение? – бесстрастно мазнула взглядом по нему.

Макс беззлобно усмехнулся и чуть склонился вперёд, пристально впиваясь в глаза. По плечам побежали мурашки при воспоминании, как он прикасался ко мне ночью. И он их тоже заметил, потому что руки от плеча до запястий покрылись

гусиной кожей. Я лишь сглотнула и вперилась в переносицу мужчины.

Он помолчал какое-то время, Сейнара тоже не издала ни звука, даже не сдвинулась с места, потом спокойно проговорил:

– Сейчас ты переоденешься. Затем вместе с группой отправишься в город. У тебя будут кредитная карта, часы и пропуск на поезд. Место для завтрака и обеда самостоятельно найдёшь в городе. На точке встречи для возвращения в Скалу ты должна оказаться не позже шести часов. Иначе поезд уйдёт без тебя, а значит, ты выбыла. Все инструкции по выполнению задачи будешь получать от Сейнары. Будь внимательна, – снизил тон на последних словах он.

– Как называется город? – спросила в образовавшуюся паузу, чувствуя, как медленно застывает нутро, превращаясь в ледышку.

– В этом городе ты никогда не бывала, – уклонился от прямого ответа Макс.

– Что я должна буду делать?

– Узнаешь на месте.

– А если потребуется уточнить детали? Если я чего-то не пойму или не услышу?

– Сейнара поймёт это по твоим действиям и повторит или разъяснит при необходимости, – заверил тот.

– Если кто-то обратится ко мне, притвориться немой? – не сдавалась я.

– Если будешь вести себя аккуратно, то не потребуется, – вновь категорично пояснил он, но потом задумчиво отклонился на спинку стула и заметил: – Всё может случиться, поэтому помни одно: тебе запрещено заговаривать с жителями города о своём статусе и положении, а также выполнять действия, которые ведут к раскрытию нас. Нам даже необязательно слышать тебя: Калейдоскоп анализирует речевые конструкции и реагирует незамедлительно. Следи за собой, уверен, что ты найдёшь способ избежать лишних контактов.

По затылку поползли не просто мурашки, а какие-то электрические клещи, тут же впивающиеся в кожу. Я помяла переносицу и оперлась на спинку стула, чтобы ещё явственнее ощутить опору под собой.

Я не знала, куда попаду, не понимала, что буду делать, любой вопрос – пустое сотрясение воздуха, а ответ на всё один: молчи, не высовывайся и выполняй приказы.

– Могу я увидеть брата и сестру? – спросила неожиданно сорвавшимся на шёпот голосом и несмело подняла глаза на Макса.

Тот прищурился. Сейнара за спиной растянула губы в насмешливой улыбке, но молчала.

«Ах ты ж, змея!» – шипела внутри, теряя надежду на согласие.

– Если успешно пройдёшь задание, – наконец, произнёс Макс.

На это уж точно не стоило рассчитывать. Подвоха при-

ходилось ожидать отовсюду. Даже если задача казалась простой, обязательно возникало нечто, сбивающее с толку. От внимания постоянно ускользало то, что действительно должно было быть замеченным. Такие подозрительность и нестабильность во всём не давали верить никому, теперь даже себе.

– Хорошо, – холодно кивнула я. – Что теперь?

– У тебя больше нет вопросов, Седьмая? – заговорила Сейнара.

Я выстрелила в неё ледяным взглядом, если бы могла, то пригвоздила бы к стене, но только отрицательно покачала головой.

– Тогда бери одежду, и марш переодеваться! – отрезала та и кивнула на стол.

Глубоко вздохнув, я поднялась и потянулась к пакетам. Но Макс вдруг поднялся, положил ладонь на пакет и строго произнёс:

– Переодеваешься здесь.

Я стиснула зубы. Внутри бесновались ненависть, страх и бессилие перед врагом, но показать это значило бы проиграть ещё до начала боя. Мельком покосившись на женщину, взяла самый крупный пакет и нарочито спокойно разорвала его.

– Сейнара, можешь готовиться к операции, – сказал Макс, явно намекнув той удалиться.

Та недовольно свела брови, но распоряжения не послуша-

лась и вышла из комнаты.

Под пристальным взглядом Макса я вытряхнула содержимое пакета на стол. Одежды было немного: нижнее бельё, короткие кожаные шорты чёрного цвета, ремень и цветистый топ на тонких бретелях. Недоумённо разорвав второй пакет, нашла в нём закрытые бежевые босоножки на толстых высоких каблуках и красной подошве. Сроду такого не носила, но потрясло не это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.